

INSPIRIA

КОЛЮЧИЙ МЕД

САРА ПАБОРН
В СВОИХ КНИГАХ
ИССЛЕДУЕТ ЛЮБОВЬ
СО ВСЕЙ СЕРЬЕЗНОСТЬЮ,
НО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ
С ОТЛИЧНЫМ
ЧУВСТВОМ ЮМОРА.
FEMINA

САРА
РОМАН ПАБОРН

INSPIRIA

Сара Паборн
Колючий мед
Серия «Novel. Колючие
цветы Сары Паборн»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65906785

Колючий мед :

ISBN 978-5-04-156534-3

Аннотация

Журналистка Эбба Линдквист переживает личностный кризис – она, специалист по семейным отношениям, образцовая жена и мать, поддается влечению к вновь возникшему в ее жизни кумиру юности, некогда популярному рок-музыканту. Ради него она бросает все, чего достигла за эти годы и что так ярко отстаивала.

Но отношения с человеком, чья жизненная позиция слишком сильно отличается от того, к чему она привыкла, не складываются гармонично. Доходит до того, что Эббе приходится посещать психотерапевта.

И тут она получает заказ – написать статью об отношениях в длину в жизнь. Эбба отправляется в небольшой курортный город на юге Швеции, чтобы взять интервью у пожилой женщины, чье письмо однажды попало ей на глаза в журнале. Предполагалось, что это будет рутинная работа. Но история

любви, что берет начало в 50-х годах прошлого века в уединенном пансионате, становится для Эббы удивительным открытием и возможностью лучше узнать себя.

«Сара Паборн в своих книгах исследует любовь – со всей серьезностью, но в то же время с отличным чувством юмора». – Femina

«Порой маленькая любовь длится дольше, чем большая. Ее может хватить даже на шестидесятилетний брак. Это делает маленькую любовь великой. [...] Саре Паборн удалось нащупать в своем романе очень тонкую тему». – expressen.se

Содержание

1955	30
2019	39
1955	47
2019	66
1955	109
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Сара Паборн Колючий мед

Sara Paborn

TISTELHONUNG (WILD HONEY)

Copyright © Sara Paborn 2020

Published by agreement with Ahlander Agency

Перевод с шведского Екатерины Крестовской

Художественное оформление Екатерины Тинмей

© Крестовская Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается друзьям, осветившим дремучие
заросли, – Анне Вильсон и Паулю Даниэльссону*

Такую подпись отправителя редко встретишь в подобных еженедельных изданиях. Я листаю журнал, сидя в холле перед кабинетом врача. Колонка, на которой остановился мой взгляд, называется «Задайте вопрос медиуму», заголовок гласит: «Помнит ли меня предмет моей девичьей любви?» В

конец подпись: «Видящая сны». Возвышенный и серьезный, текст выделяется среди многочисленных рецептов кексов и советов о том, как сохранить луковицы гиацинтов зимой и вывести пятна с шелковой ткани. Начинаю читать с нарастающим интересом:

Уважаемая Моника,

Пишу Вам в связи с тем, что в последние месяцы меня посещают все более яркие воспоминания о молодом человеке, с которым я общалась в юности. У нас был короткий, но бурный роман летом 1955 года. Он учился в Высшей художественной школе и провел пару недель в принадлежавшем моей матери пансионате на полуострове Бьерё. Расставшись при достаточно драматичных обстоятельствах, мы никогда с ним больше не виделись.

Год назад скончался мой муж. Мы прожили вместе шестьдесят лет, и наша совместная жизнь была плодотворной и счастливой, даже несмотря на отсутствие детей. В те годы я редко вспоминала другого, но последнее время мысли о нем приходят на ум все чаще, и он начал сниться мне ночами. Что это означает? Пытается ли он связаться со мной или это просто иллюзия, возникшая в моем мозгу? Мне 79 лет. Благодарю за скорый ответ.

Видящая сны

И ответ медиума, мягко говоря, удивляет; вот она на фото – упитанная женщина с гладким лицом и каким-то подобием

тиары на голове.

Уважаемая Видящая сны,

Ваша старая любовь жива! Я отчетливо вижу стильного мужчину, теперь седовласого. На нем рубашка светло-голубого цвета, и он радостно машет рукой. Иногда люди, которые были близки друг другу, могут оставаться в тесном духовном контакте даже спустя много лет. Довольно часто случается так: человек чувствует, что другой попал в затруднительное положение и нуждается в его помощи. А еще, вполне возможно, у Вас остались непроработанные эмоции. По какой причине вы разорвали отношения? Вы пишете, что расстались при драматичных обстоятельствах. Может быть, Вам необходимо глубоко разобраться в этом, чтобы обрести душевный покой? Вы не знаете, где находится возлюбленный Вашей юности? Если нет, не пробовали ли Вы такой простой способ, как поискать данные о нем в интернете? Желаю Вам большой удачи!

С наилучшими пожеланиями,

Моника

Увлечшись, я не сразу слышу, как меня вызывает психотерапевт. Прошло целых шестьдесят лет. И потом, как это – задать вопрос человеку, с которым автор письма незнаком и даже никогда не встречался? А что, если медиум ответила бы: «Он давным-давно тебя забыл. Да и никогда особенно тобой не интересовался. И, кстати, он уже на том свете».

С неохотой оставляю журнал на столике и здороваюсь за руку с Йуаром. Я приходила к нему всего несколько раз, но он уже кажется мне старым знакомым. Возможно, Йуар напоминает мне кого-то из участников «Евровидения» времен моей молодости. Вьющиеся каштановые волосы подстрижены под пажа, слегка сутулый, одет в черные облегающие джинсы, и удивительно добрые глаза создают приятное ощущение, будто давно знаешь этого человека. Врач распахивает передо мной дверь в кабинет, где уместились два синих кресла и большой письменный стол. Солнечный свет падает на маленький фанерный столик, на котором стоит обязательная коробка с бумажными носовыми платками. Достав медицинскую карточку, успевшую, к моему беспокойству, растолстеть, Йуар присаживается. На поясе джинсов побрякивает связка ключей.

– Ну, как ваши дела? – спрашивает он, приветливо глядя на меня.

– Ужасно, – отвечаю я.

Йуар улыбается.

– Вы делали упражнения на расслабление, о которых мы договаривались в прошлый раз?

– Да, но мне очень трудно сосредоточиться. И потом, я не чувствую разницы. Кажется, все безнадежно.

Я начинаю ерзать в кресле.

– Если что-то кажется безнадежным, это еще вовсе не значит, что оно действительно безнадежно, – напоминает мне

Йуар. – Эффект от упражнений обычно появляется спустя несколько недель. Дайте им шанс. А иначе мы так никогда и не узнаем, могут ли они помочь вам.

Я смотрю на врача с недоверием. Йуар молод, ему, наверное, лет тридцать, но создается впечатление, будто он обладает незыблемой репутацией. На стенах висят репродукции картин. Письменный стол красиво убран. На доске нарисовано несколько треугольников с подписью: «Автоматические мысли».

– А этот звук вообще существует? Или я сама его выдумала?

– Вы его ощущаете, значит, он существует. Разве нет? – Йуар внимательно смотрит на меня. – Некоторым очень мешает даже еле уловимый звук, а другие слышат его громко и отчетливо, но почти никак не реагируют. Все зависит от личного восприятия.

Доктор начинает листать лежащую на коленях папку. Я обращаюсь к нему по такому количеству поводов, что их необходимо регистрировать по порядку. Звон в ушах – это, наверное, самая маленькая из моих проблем. Мы имеем: вину за то, что я бросила Тома, наградив Оскара разведенными родителями; роман с Эриком и разрыв отношений; последовавшее за этим публичное унижение, утрату Эрика и вялотекущую депрессию. Добавьте сюда тревогу по поводу работы, точнее, ее отсутствия. Звон в ушах – скорее, вишенка на торте.

– После вашего последнего визита я почитал про звон в ушах, – говорит Йуар, кивая. – Многие думают, что это проблема современности, связанная с шумовыми травмами, но, похоже, она существовала на протяжении всей истории человечества. Я наткнулся на несколько интересных вещей. Например, на текст о медицинских методах лечения эпохи фараонов в Древнем Египте. Страдающим этим недугом в ухо наливали специальное масло, чтобы расколдовать.

Вытащив листок из стопки бумаг, Йуар продолжает:

– А Аристотель полагал, что это звенит заблудившийся в ухе ветер. Считалось, что человек со звоном в ушах обладает сверхъестественными способностями – даром предвидения, способностью путешествовать во времени и так далее. Другими словами, это было по-своему круто. Правда, принятый тогда метод лечения нельзя назвать эффективным. Просто в черепе сверлили отверстие, чтобы выпустить застрявший там ветер. Пациент, понятное дело, в процессе операции умирал. Так что врачи с этим покончили. Дырок больше не сверлят.

Йуар улыбается, обнажая щель между передними зубами.

– Кстати, попить не хотите? Здесь жарковато.

Он наливает в стакан воды из кувшина.

Йуар обручен, на пальце – скромное кольцо. К осени станет отцом. Мне кажется, он счастлив, по крайней мере, создается такое впечатление. Я представляю себе, как заботливо относятся друг к другу Йуар и его девушка. Как при-

слушиваются друг к другу. Пара, в которой партнеры никогда без необходимости не повышают голос и способны обеспечить друг другу ощущение безопасности. Я задумываюсь: а есть ли у Йуара старая любовь, которая подспудно не дает ему покоя? Не думаю. Если и была, он наверняка давно уже разобрался с ней, расставив все точки над «и». Йуар предпочитает жить настоящим, он не из тех, кто пережевывает прошлое. Такие люди верят, что главное – определиться.

Во время наших встреч я делаю записи, которые потом, как правило, прибираю в «надежное» место. Мне кажется, если я все равно без дела слоняюсь по дому, у меня может возникнуть желание взять и начать применять подходящие советы, но почему-то так не получается. Я забываю, куда кладу их, впрочем, как и другие вещи. Хотя некоторые советы я, похоже, запомнила наизусть:

Создавай спокойствие.

В ожидании улучшения погодных условий подыщи тихую бухту.

Когда эмоции накалены, ничего не предпринимай.

Посмотри на все со стороны!

Универсальный совет: не торопи время.

Эти советы – маленькие проблески надежды, которые, по крайней мере ненадолго, вселяют в меня веру в лучшие времена. К сожалению, эффект от них часто пропадает, как только я покидаю приемную врача. Я плохо представляю себе, как претворить рекомендации в жизнь. Между разумом

и душой лежит пустошь, которую не возделать. Все дороги моего внутреннего мира изъезжены вдоль и поперек, а проложить новые – выше моих сил. И все же здесь, в маленьком кабинете Йуара, я чувствую, что изменения возможны.

Он тянется за лежащей на письменном столе брошюрой.

– Вот, только что вышла в печать. Возьмите, может быть, пригодится.

Доктор протягивает мне брошюру «Звон в ушах, краткое руководство».

Когда к Йуару заходит следующий пациент и в холле опять становится пусто, я украдкой подхожу к столику, незаметно вырываю из журнала страницу с письмом читателя и прячу в карман. Потом покидаю консультацию, спустившись на лифте в темный вестибюль и выйдя на ярко освещенный солнцем тротуар.

* * *

Мы думаем, что запомним ощущение одиночества. Мы думаем, что запомним, каково это – быть любимыми. Оба эти представления ошибочны. Мы помним очень мало, даже из того, что обещаем себе никогда не забывать.

Я помню отдельные моменты, когда думала: «Это ощущение нужно сохранить». Например, стоя на пешеходном переходе под проливным дождем в ту осень, когда только что

встретила Эрика. «Запомни, как ты сейчас счастлива, – говорила я себе. – Постарайся запомнить этот момент».

Потом я его забыла.

Теперь бóльшую часть времени я провожу в спальном районе, в душевой двушке, купленной вместе с Эриком, и пытаюсь найти соломинку, за которую можно хоть как-то ухватиться – будущее, некий план действий, способ прожить оставшуюся жизнь – иначе говоря, всякие мелочи. Двадцать лет назад я твердо верила в то, что меня никогда не подведет способность выбирать для себя из всех дорог правильную. А сейчас я стою в заросшей канаве, сбившись с пути, и уже даже не знаю, где проложены дороги. Мне кажется, будто вдалеке что-то происходит, я слышу шум, но вокруг столько преград, что ничего не разобрать. Кроме того, вполне возможно, что это шумит у меня в ушах.

Без всякого преувеличения, я терзаюсь муками и нахожусь в полной растерянности.

По дороге домой заскакиваю в кондитерскую. Заказав кофе и пирожное, усаживаюсь за столиком на террасе на углу улицы – как раз там, куда раннее летнее солнце робко бросает свои лучи. Выезжать в центр и заходить в разные кондитерские, притворяясь, будто мы живем в этом квартале, было одним из наших с Эриком воскресных развлечений. Он всегда заказывал что-нибудь из приторно сладкой выпечки с зеленым марципаном или дрожащим желе. Я обычно брала пропитанное пуншем или миндальное пирожное. Мы оба

читали газету и обменивались прочитанными страницами. Оба пили кофе ведрами. Обоим нравилось зависать по воскресеньям без особой цели в чужом квартале.

Сегодня поездка на автобусе и метро в центр Стокгольма кажется мне путешествием во времени, возвращением в эпоху, когда я еще работала радиоведущей и никогда бы не смогла себе позволить сидеть в кофейне в разгар рабочего дня. Возвращением к самой себе, только молодой и не отягощенной тревогами. Может быть, поэтому я и стремлюсь попасть в эти края, езжу сюда к тому же стоматологу, к которому ходила раньше, и теперь еще к Йуару. На самом деле ни сеансы когнитивно-поведенческой терапии, ни пирожные в одной из самых дорогих кондитерских города мне не по карману. Но я предпочитаю смотреть на это как на пусть и маленькую, но волю к жизни: несмотря ни на что, я сижу тут и притворяюсь, будто этот краткий перерыв на кофе – часть моего заведенного ежедневного распорядка.

Тридцать две кроны за пирожное. Тридцать восемь за самый обычный кофе. Хорошо еще, что можно подливать бесплатно. И маленькие квадратные салфетки с выбитым кобальтовыми буквами названием кондитерской «Тёссе». Я прячу несколько таких салфеток в карман куртки вместе с пакетиком сахара. Мало ли, пригодятся.

Краем глаза замечаю, что на меня подозрительно смотрит аккуратно причесанный седовласый мужчина. Десять лет назад он, наверное, наклонился бы ко мне и, слегка смущаясь,

спросил: «Извините, что отвлекаю вас, но не вы ли написали книгу о том, как сохранить отношения? Я видел вас по телевизору».

А я бы снисходительно ответила: «Да, все правильно. Надеюсь, книга доставила вам удовольствие. Спасибо, что читаете!»

И после этих слов, улыбаясь, продолжила бы греться на солнышке. А сейчас все по-другому. Меня больше никто не узнает. В студийных фотографиях, опубликованных на последних страницах обложек моих книг по практической психологии, мало общего с моим нынешним – бледным и угловатым – лицом. «Не засыпайте, не помирившись», «Любите будни» и «Лучшее из лаборатории любви» – это все мои книги. Бестселлеры. По крайней мере, по шведским меркам.

К сожалению, книгу «Разведись и будь счастлива», в написании которой я раскаиваюсь с учетом всего, что произошло после, больше обсуждали, чем покупали. В связи с моим собственным грязным разводом всегда можно было поиздеваться над каким-нибудь тривиальным советом.

Все эти книги я писала в своей прежней жизни, когда полагала, будто практически все можно вылечить доброй волей и упорством. Именно это люди и хотят слышать, как ничто другое. Что все устроится, стоит только достаточно сильно захотеть. Что нам все подвластно. Что мы можем стать кем пожелаем. Решать свою судьбу. Только все это – неправда, и мне это известно как никому другому.

Есть еще непредвиденное – ручей жизни, стремящийся к неведомому морю, о существовании которого мы и не догадываемся.

Налив себе еще кофе, я достаю из кармана письмо в редакцию, разглаживаю на столе и перечитываю. Задумываюсь – как она выглядит, эта женщина, написавшая письмо? Как ее зовут? Где находится? Проживает ли она в отдельном доме, или квартире, или, может быть, в доме престарелых? Интересно, их по-прежнему так называют? Я задаюсь вопросом: хочет ли она попытаться найти любовь своей юности и что скажет ему, если ей удастся с ним связаться? Что говорят после шестидесяти лет разлуки? «Мне тебя не хватало»? «Где ты был все эти годы»?

Автор письма потеряла мужа тогда же, когда и я. Ее муж умер, а мой меня просто бросил.

Но только я пока с трудом могу заставить себя взглянуть в зеркало, а она начала строить фантазии о любви своей юности. Видящая сны. О том, что предмет ее девичьей любви все еще думает о ней и пытается найти спустя все эти годы. Попадись мне это письмо на глаза несколько лет назад, я бы не приняла его всерьез, сочтя бредом сумасшедшей. Не знаю, с чем это связано – с возрастом ли, с кризисом или внезапной сменой характера, но я уже не могу с прежней легкостью отмахиваться от других людей. Было так приятно с полной ясностью осознавать, кто из окружающих умен, а

кто – нет. Быть убежденной в своей способности к здравым суждениям и держать все под контролем. Видя, как кто-то другой оступился, я даже могла испытывать какое-то злорадство. Лишиться такого развлечения – уже само по себе чертовски обидно. Сейчас я в лучшем случае смеюсь в компании других. Если я и смеюсь над кем-нибудь, то только от испуга, что лишь тонкая грань отделяет их напасти от моих собственных.

Я никогда особо не стремилась проявлять солидарность с попавшими в трудную ситуацию. Просто так сложилось.

Видящая сны хочет разглядеть мерцание в старой ряби на воде.

Видящая ищет способ обрести душевный покой. В этом она не одинока.

Я не могу отделаться от мысли, что, вопреки всему, в людях, готовых отдать свою жизнь в руки совершенно чужого человека, есть нечто трогательное, лишь бы речь не шла о пустяках.

* * *

Я много лет проработала репортером в популярной радиопрограмме, куда люди звонили, чтобы поговорить о любви и отношениях. Получалось настолько хорошо, что мне дали возможность запустить собственную программу – «Лаборатория любви» – с участием экспертов. Еженедельно мы ста-

рались помочь одинокому человеку найти подходящую пару, шутили на тему промахов первого свидания и давали советы о том, как выстраивать отношения. Когда одно издательство обратилось ко мне с предложением издать книгу, это казалось естественным шагом вперед. За первой книгой последовала вторая. Обе имели большой успех. Я считала, что так будет и впредь. Полные залы на моих выступлениях. Постоянные напоминания об участии то в одних, то в других проектах. Мой муж Том и я служили доказательством тому, что любовь можно сохранить с молодости. Мы встретились, когда нам было немного за двадцать, и, будучи упорной парой, построили прочный союз. В своих книгах я часто использовала мужа в качестве примера и черпала из нашей совместной жизни комичные и поучительные истории. Такие, чтобы речь (желательно) шла о небольшом разногласии, которое успешно разрешалось. Мы страстно соглашались с тем, что прекрасно дополняем друг друга. Для меня характерна спонтанность, для него – вдумчивость. Он планировал на длительную перспективу, я – на короткую. Цвет его личности – синий¹. Мой – красный. И обоим было скучно.

Теперь я веду всего одну колонку в ежемесячном журнале, да и то редактор высказал опасение, что мои нынешние тексты отбивают желание жить и могут подтолкнуть чита-

¹ Автор имеет в виду цветовые типы личности, предложенные швейцарским психологом Максом Люшером (1923–2017). Синий тип характеризуется потребностью в глубокой привязанности, красный – в лидерстве и достижениях. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

телей к мыслям о самоубийстве. Печали обладают коммерческой привлекательностью лишь до тех пор, пока происходят в жизни успешных людей. Пока читатель пребывает в твердой уверенности, что они преходящи. Отборное, беспроектное уныние продается плохо.

В этом году, чтобы поправить свое финансовое положение, я прошла интернет-курс по составлению кроссвордов и теперь создаю хитроумные словесные головоломки для разных периодических изданий, стараясь включать в них такие слова, как сомнение, отчаяние и раскаяние. Чтобы заставить читателей задуматься над ними, пусть даже и против воли.

Допив третью чашку кофе, нехотя плетусь в сторону метро. Ничего хорошего меня дома не ждет, но рано или поздно нужно возвращаться.

В вагоне метро я открываю брошюру Йуара о звоне в ушах.

*Звон в ушах на латыни называется «тинитус» – от слова *tinire*, обозначающего «звенеть», «привлекать внимание». Его можно описать как писк или шипение, скрежет, свист или именно звон. На протяжении столетий для лечения звона в ушах прописывали лисий жир, бычью желчь, растительную тлю, кедровое и розовое масло, мед, уксус и белое вино.*

От белого вина я бы не отказалась.

Смотрю через грязное окно вагона метро. Поезд как раз проезжает станцию, где теперь живет Эрик со своей новой

любовью. Вагон дребезжит. Я не разговаривала со своим бывшим возлюбленным уже много месяцев. Наверное, где-то надо мной они сидят сейчас за кухонным столом, или, может быть, она лежит на японском матрасе-футоне, на котором раньше лежала я, а Эрик, приложив ухо к ее животу, прислушивается к звукам, издаваемым ребенком. Я, в любом случае, нахожусь ниже него. Глубоко в скале, в каменном туннеле.

Пытаюсь не думать о том, насколько это символично.

В голове проносится мимолетное воспоминание. Мы в его постели, он говорит мне: «Я хотел бы, чтобы мы встретились раньше, чтобы дольше прожить вместе».

Раздается скрежет колес, поезд начинает тормозить. Закрыв глаза, вдыхаю воздух перрона.

* * *

Лишившись постоянной работы, я стала дольше спать по утрам. Чем больше спишь, тем незаметнее проходит день. И к тому же цвет лица здоровее. Я начинаю думать, не пора ли мне вставать, когда другие уже отобедали. Но сегодня я просыпаюсь от звонка телефона, который забыла выключить. Бросаю взгляд на часы. Половина десятого утра. Практически ночь. Звонит Анна, редактор журнала, для которого я пишу.

– Привет, Эбба, как дела? – рассеянно спрашивает она от-

сутствующим голосом.

– Хорошо, – заспанно отвечаю я. – По крайней мере, насколько это возможно.

– Гм. Ты знаешь, мы тут поговорили в редакции. – Она выдерживает паузу. С другого конца трубки доносится шум и голоса людей, обычные звуки тех, у кого есть работа. – Мы решили, что нам пора перезапустить авторские колонки.

– Что это значит? – Я медленно поднимаюсь с постели.

– Нам нужно найти нового автора, не из старой медийной среды, – откашлявшись, говорит Анна. – Я знаю, что читатели ценят твою колонку и все такое, но ты ведешь ее уже достаточно давно, и последние полгода кажется, будто... да, будто ты топчешься на месте. Для тебя самой, наверное, это тоже не очень-то хорошо – выкладывать на всеобщее обозрение проблемы своей личной жизни? Честно говоря, твое состояние меня немного беспокоит.

Я молчу в ответ. Держащая мобильник рука похолодела.

– Ты знаешь, сверху тоже спускают новые требования. Нам нужно переосмыслить политику издания.

– Это мой единственный постоянный доход, – вымолвила я.

В голосе Анны сквозит напряжение:

– Я знаю, что это тяжело, но так складываются обстоятельства. Нам нужна новая колонка.

– Что это означает? Мне взять паузу?

– Это означает, что в данный момент мы не можем с то-

бой больше сотрудничать. Во всяком случае, на постоянной основе, но у нас могут появиться другие заказы. Временные подработки.

– Но моя следующая колонка уже готова, – протестую я резким голосом. – Она об истощении психики и сомнениях в себе.

– Мы включим ее в номер, как планировали, но потом... мы пригласим кого-нибудь другого.

Я не знаю, что ответить. Вместо этого выглядываю в окно. У сосны осыпались иголки.

– Эбба, ты меня еще слушаешь? – Голос Анны звучит обеспокоенно.

– Да, – соврала я.

– Мы можем продолжить обсуждение за чашечкой кофе после отпусков, а сейчас у меня тут полный завал. – Прикрыв трубку рукой, она с кем-то обменивается парой слов. Когда Анна возвращается к беседе со мной, голос звучит торопливо:

– Мне пора на встречу. Потом еще поговорим. Береги себя!

Анна вешает трубку.

После развода с Томом два года назад никто уже не готов платить мне по шестнадцать тысяч крон за лекцию о том, как сохранить отношения. «Лабораторию любви» заморозили, и принятое мною в сердцах решение уволиться с радиокана-

ла оказалось серьезной ошибкой. Перейдя на вольные хлеба, града заказов я не увидела. Колонка в журнале «Женщина» со стремительно падающим тиражом стала единственным материалом, который выходит за моей подписью. Для меня она обладает символической ценностью, даже если большую часть доходов я получаю от кроссвордов.

После всего, что случилось за эти годы, двукратное сокращение расходов и изучение приложения InDesign для составления кроссвордов воспринимались мною как ментальное очищение. Выведение шлаков из души. Я нахожу отдохновение в аскетично кратком формате кроссвордов. Не нужно недооценивать триумф, который испытываешь, подобрав правильное слово с правильным количеством букв, чтобы обеспечить кроссворду симметрию.

К сожалению, издание «Ностальгический кроссворд» – мой главный заказчик – последнее время стало получать жалобы на мои кроссворды. Похоже, некоторые читатели полагают, что я предлагаю им приблизительно одну и ту же словесную головоломку, которую каждый раз составляю заново, меняя лишь форму. Я затрачиваю на кроссворды много сил, поэтому утверждать такое – мягко говоря, неблагоприятно. Люди всегда найдут к чему придаться, как бы хорошо ты себя ни проявлял.

Тем не менее с учетом ограниченного объема заказов мне нужно больше стараться. А то скоро придется перейти на менее творческие и хуже оплачиваемые судуку. Я крепко сжи-

маю мобильник. Как там говорят? Никто еще не умер, проглотив свою гордость? Я опять звоню Анне. Она отвечает после пятого звонка.

– Да? – Кажется, она запыхалась.

– Прости, но ты ведь свяжешься со мной, если летом возникнет необходимость? В моем рабочем графике есть паузы, которые я могла бы заполнить.

– Забавно, что ты перезваниваешь именно сейчас.

– Правда? Почему?

– Мы только что получили заказ и ищем для него автора. Журналистка, которая должна была его выполнить, отказалась из-за размера гонорара.

– Звучит интригующе, – говорю я, забираясь с ногами на кровать. – И о чем идет речь?

– Серия статей о парах, долго проживших вместе. Ну, то есть не меньше двадцати лет. Можно сказать, сфера твоих прежних интересов. – Анна откашливается. – Идея в том, чтобы вовлечь старшее поколение: как менялись с годами взгляды на любовь, уровень ожиданий и так далее. Три портрета уже готовы, но нам бы хотелось еще один. Не знаю, заинтересует ли это тебя. Речь идет всего об одном интервью.

– Заинтересует, – быстро реагирую я.

– В таком случае это должно быть что-то прикольное, честно говоря. Легкое. Чтобы не как в судный день.

– Понимаю.

– Десять тысяч знаков. Срок сдачи – через две недели.

Справишься?

– У кого надо взять интервью?

– В этом-то и проблема. Выбранная нами кандидатура скончалась. Так что мы вляпались. Нам нужно найти кого-то нового.

Во рту пересохло, но мне все-таки удастся каким-то образом выдавить из себя слова.

– Возможно, я знаю такого человека.

– И кто это?

– Одна... знакомая. Старая подруга. Она была замужем шестьдесят лет. В счастливом браке.

– Шестьдесят лет? – переспрашивает с недоверием Анна.

– Да, но ее супруг умер около года назад. Возможно, эта дама захочет принять участие. Я могу поговорить с ней.

– А где она живет? В Швеции?

– В Сконе².

– Ну, это считается Швецией. – Анна на секунду замолкает. – Хорошо, спроси ее. Сообщи, как только узнаешь.

– Конечно. Без проблем.

– Хорошо. Береги себя, Эбба! – Кажется, ее голос смягчился. Но только немного.

Я все еще лежу в постели. Жалюзи прикрывают окна на три четверти. И уже давно так – мне не хватает сил их наладить. Под кроватью свалена в кучу грязная одежда. Края полотенца в туалете успели растрепаться. За последние де-

² Южная провинция Швеции, граничащая с Данией.

вять месяцев при моем попустительстве все пришло в упадок. Иногда жить в жестокой реальности кажется безопаснее, чем оставить ее позади. Если двигаться вперед, времена, которые предшествовали жестокой реальности, будут казаться еще более отдаленными. Нет гарантии, что человек этого захочет. Некоторые хотят удержать прошлое, даже если ради этого приходится мириться с худшим настоящим.

Себя можно наказать, перестав о себе заботиться, оставив все вокруг обрушаться точно так же, как разрушаешься ты сам.

Все это я осознала за последний год. Не могу сказать, что именно такими знаниями я хотела обогатиться, но все же.

Мой сын Оскар едет в горный поход в Норвегию вместе с отцом и его новой девушкой Малин – школьной учительницей биологии, переехавшей к Тому спустя год после развода. Малин быстро навела в доме порядок, подчинив все строгим правилам, и встала у штурвала сбившихся с курса будней моего бывшего мужа. Они будут переезжать с места на место на машине и жить в палатке; такая вот пара школьных учителей, которые умеют проявлять уважение, ловить рыбу и собирать грибы. Живо могу себе представить, как вечерами они будут развешивать на просушку шерстяную одежду и играть в палатке в настольные игры.

А у меня никаких планов на лето нет.

Заканчивается май – самый жаркий за последние сто

пятьдесят лет. Уже успела отцвести черемуха.

А ветки сирени вянут от недостатка влаги. Впереди у меня все лето.

Спасаться негде. Поэтому я вполне могу заняться поисками этой женщины.

Видящей сны.

Большую часть людей можно разыскать, если только захотеть. Конечно, некоторые обзаводятся радаром, но стать настоящей невидимкой сложно. Те, кого совсем нет в интернете, легко вызывают всяческие подозрения. Информация о большинстве все-таки всплывает в том или ином контексте, даже если они не хотят этого, как о члене какого-нибудь малоизвестного правления или в сноске к официальному письму, адресованному в местный яхт-клуб или жилищный кооператив. Но поскольку автор письма в редакцию – аноним, мне приходится начать поиски, обратившись в еженедельный журнал.

Сочиняю мейл, в котором объясняю, что я – журналистка и хочу связаться с читательницей, направившей в редакцию письмо за подписью «Видящая сны». «Речь идет о репортаже, посвященном любви длиною в жизнь, и, мне кажется, автор письма могла бы немало способствовать глубокому пониманию этой темы», – беру на себя смелость заметить я.

Ответ приходит в течение двух часов.

Приветствую!

Спасибо за Ваше письмо. Нам очень приятно, что Вы читаете «Домашний очаг»! Кстати, если я правильно помню, мы публиковали обзор Вашей предыдущей книги в «Читательских рекомендациях», но вы ведь давно уже не писали ничего нового? В любом случае я передала Ваш вопрос нашему медиуму Монике Молнии. Надеюсь, она свяжется с вами в ближайшее время. Продолжайте читать «Домашний очаг». У нас действует сейчас специальное предложение на полугодовую подписку по цене всего 143 кроны. В подарок Вы получите красивую вазу, оригинальный дизайн которой разработал Алваро Аалто. Жмите на ссылку, чтобы узнать подробности!

*С наилучшими пожеланиями,
Яна Исаксон,
заведующая редакцией*

Изо всех сил стараюсь пренебречь тем, что теперь представляю интерес скорее в качестве потенциального подписчика, чем знаменитости, достойной статьи. Если медиум не свяжется со мной в течение нескольких дней, придется связаться с ней самой. И чем мне пока заняться? Лежать на диване и ждать. Посмотреть какой-нибудь сериал. А может быть, смыть с оконных стекол всю налетевшую пыльцу, чтобы рассмотреть зацветающую в саду жимолость. Срезав несколько веточек с оранжевыми и розовыми цветами, я могла бы поставить их на кухонный стол после генеральной уборки.

Почему бы не в вазу Алваро Аалто?

1955

В тот год пансионат оккупировали пчелы. Никто не знал, откуда появились эти насекомые и где живут, но казалось, будто они везде. Прежде всего – в доме. Пчелы прилетали полчищами, ползали по земле и ножкам столов, падали в компот и облепляли стоявшие в баре бутылки с ликерами. Некоторые умирали на подоконниках, другие – заползая в сливы ванных комнат.

В начале лета все еще полагали, что речь идет об осах. За завтраками обменивались советами, как от них лучше избавиться. Полощите горло уксусом! Не носите одежду ярких цветов! Не ходите босыми! Одна дама, госпожа Сёдергрэн, отдохавшая в пансионате каждое лето, утверждала, что клумбы нужно поливать разведенным в воде белым перцем. По свидетельству другой, от укуса осы можно излечиться, только приложив к ужаленному месту луковый компресс. Сама она сидела в шезлонге, а на ступне у нее красовалась прикрепленная резинкой половинка луковицы.

В июле один застенчивый управляющий предприятием из Лунда просветил Веронику, что переполох устроен пчелами. Совсем скоро постояльцы засыпали вопросами ее мать, которая заведовала пансионатом. Все мучились над разгадкой тайны. Как ниоткуда мог внезапно возникнуть целый пчелиный рой? Может, он улетел с пасеки? Тогда с чьей? Или же

это дикие пчелы? Похоже, они умели рыть норки в земле и заселяться в старые норы мышей-полевок. Но почему из всех возможных мест они выбрали именно пансионат? Мнения на этот счет расходились.

Повариха Сигне выставила на каждом столике бутылки с сиропом, чтобы потом собирать с них окостеневших насекомых. В разгар жары постояльцы в основном спасались в саду под зонтиками, играли в крокет или дремали в гамаке. Некоторые уходили на пляж. Стоял август, и вода успела прогреться до температуры свыше двадцати градусов. Говорили, что жара бьет рекорды.

Старшая кузина Вероники – Франси – приехала, чтобы помочь с обслуживанием пансионата в последние недели лета. Она только что разорвала помолвку с парнем по имени Рой, но, признаться, была слишком ленива, чтобы приносить ощутимую пользу. Чаще всего Франси лежала в гамаке рядом со входом в кухню, а когда кто-нибудь проходил мимо, делала вид, будто вот-вот встанет. Под ней на траве обычно лежали кучи бульварного чтива, и она постоянно потягивала чай со льдом. К этой привычке Франси пристрастилась в Копенгагене, куда год назад поехала учиться на стенографистку. На самом деле работа стенографистки ее вовсе не привлекала, она хотела стать актрисой. Однако, по мнению Франси, скоропись вполне могла приоткрыть дверь в актерский мир. Ведь можно было, например, устроиться в билетную кассу или канцелярию театра, а потом, когда кто-нибудь из актрис

заболеет, выйти на замену. Актрисы болеют постоянно. Надо только уметь вовремя показать себя и свои таланты.

Франси жила в дворовом флигеле и беспрестанно трудилась над тем, чтобы иметь возможность сравнить свое отражение в зеркале с Мэрилин Монро. Она осветляла волосы перекисью водорода, нагревала плойку на кухонной плите и, к негодованию постояльцев, подолгу занимала ванную в коридоре. Поддержание чистоты и порядка в пансионате не было у нее в приоритете. Подметать полы, заправлять кровати и ставить свежие цветы на прикроватные тумбочки в основном приходилось Веронике.

Веронике было семнадцать. Возраст девичьего расцвета и радостных ожиданий, когда жизнь представляется великолепной. Иногда отдохавшие в пансионате пожилые дамы могли, с легким озорством ущипнув ее за щеку, спросить: «Ну что, уже нашла себе приличного кавалера?» Или: «Подумать только, как чудесно быть молодой, когда вся жизнь еще впереди». Веронике эти реплики не нравились. В глубине души она совсем не ощущала себя такой уж молодой. И не относилась к тем, кто берет от жизни все, как Франси. Во все не считала, что светлое будущее принадлежит ей, и даже не надеялась на счастье. Похоже, другие девушки ее возраста полагали, будто их жизнь сложится по определенному сценарию, в котором муж, дети, дом, праздники и будни переплетаются естественным образом в самотканой гармонии. Вероника не понимала, как они могли с такой уверенностью

на все это рассчитывать. Например, Франси ни на минуту не сомневалась, что найдет нового парня, как только почувствует себя в силах подняться с гамака.

Саму же Веронику пугало все, что может не сложиться. Все, что может пойти не так. Жизнь со всеми ее требованиями, со всем, что предстоит освоить и преодолеть, с чем придется мириться и справляться, представлялась ей непомерно сложной. Достаточно посмотреть на постояльцев пансионата. Среди них было много покалеченных жизнью, несчастных, одиноких, тревожных. Вероника знала, что это так. Разные тетюшки и дядюшки, сидя в общей гостиной и крепко сжав ее руку, часто доверяли ей длинные рассказы о немощи, болезнях и смерти. Она изо всех сил старалась их утешить, даже если ничего не знала о жизненных перипетиях этих людей. В любом случае такого опыта оказалось достаточно, чтобы понять: испытаниям подвергаются люди с любым характером, а внешнее часто бывает обманчиво.

И хотя Вероника знала, что рассчитывать не на что, все равно она втайне питала какие-то надежды. Это походило на чувство, которое испытываешь, рассматривая альбом с засушенными бабочками или волнуясь, чем же закончится история с привидениями. Ожидание чего-то мистического, сверхъестественного.

Только она не понимала, чего именно ожидала.

В то лето Вероника окончила реальное училище. Она ни в

кого еще по-настоящему не влюблялась, и мальчики, в которых были влюблены другие девочки, не вызывали у нее ничего, кроме симпатии. Иногда Вероника пыталась представить себе кого-нибудь из них в роли кавалера, но почувствовать к нему подлинный интерес ей так и не удавалось. Ровесники, рискнувшие приблизиться к Веронике, несмотря на то что она была на голову выше большинства парней, ее не привлекали. Их неловкие ухаживания ее только тяготили. Иногда в роли ухажеров выступали пожилые постояльцы пансионата навеселе. Этим приходилось коварно обманывать, чтобы ее оставили в покое. Напрямую отказывать им в общении она не могла – сочли бы за грубость. Ох уж эта обязанность всех выслушивать! Всегда быть в хорошем настроении и поддерживать окружающих. Иногда Вероника до чертиков уставала от такой роли. Гости исчезали, облепив душу, а она оставалась, приняв на себя груз их переживаний.

Вероника была слишком высокой. Некоторое время она стояла второй по росту в классе и с благодарностью ссылалась на этот факт, когда кто-нибудь отмечал ее высокий рост, но потом Маргарета Чельгрэн, которая была еще выше, ушла, и Веронику стали называть Каланчой. «Выпрямись, – одергивала ее мать. – Даже если на корточки присядешь, меньше выглядеть не будешь!»

Но Вероника матери не верила: ведь должна же она казаться хоть чуточку меньше, если вжать шею в плечи? В

этом была своя логика. В какой-то момент Вероника сошлась с маленькой и толстой одноклассницей, которую называли Прицепчиком. Каланча и Прицеп-чик. Так звали пару популярных в то время датских комиков. Прозвище быстро прилипло, и отделаться от него было сложно. Одно время она росла такими стремительными темпами, что по ночам у нее болела спина, и пришлось прибегнуть к помощи получившего образование в Америке костоправа. «Мышцы вокруг скелета не успевают вырасти, – объяснял он. – Кости растут слишком быстро».

Изредка Веронике удавалось уединиться в середине дня в гостиной пансионата. Уютный полумрак окутывал потертые бархатные кресла, затянутый зеленым сукном столик для игры в бридж и книжный шкаф с оставленными гостями книгами. На случай, если кому-нибудь захочется написать письмо, там стоял секретер с бумагой, конвертами и ручками. Постояльцам, которые приезжали регулярно, почту обычно доставляли в пансионат. Иногда кто-нибудь из полусонных гостей похрапывал, отвернувшись к стенке, а бывало, что за столиком палисандрового дерева играли в карты. В канасту, Чикаго, казино или джин-рамми.

Прошло всего несколько лет с тех пор, как ежегодно приезжавшие пожилые постояльцы, завидев Веронику, доставали свои портмоне и совали ей в руки мелочь. Детям на карманные расходы. Чтобы купить что-нибудь вкусенькое – мороженое в киоске Ангелы, например. Так было принято.

Имена многих постоянных клиентов пансионата – во всяком случае, дам – заканчивались на «и»: Хенни, Элзи, Эви, Элви, Лилли, Дагни. Возможно, таким образом их матери пытались добавить изысканности, слегка обтесав угловатые крестьянские имена, даже притом что сами обладательницы этих имен часто бывали лишены изящества.

Многие из них возили с собой рукоделие в кретоновых сумочках с бамбуковой ручкой. Плели брюссельское кружево. Доставали незаконченные чулочки на спицах. Детскую одежду для какого-нибудь племянника. Плотной грубой вязки, словно напоминающей о том, что жизнь бесчувственна и небрежна. Жилетки, похожие на кольчугу. Кофты, похожие на маленькие вязаные доспехи. Эта детская одежда выражала прочно устоявшееся скрытое предупреждение: «Жизнь сложнее, чем кажется! Тебя нужно защищать!»

Дамы работали тщательно и неторопливо. Некоторые украшали мережкой наволочки – на одну такую наволочку могло уйти все лето. Другие вышивали монограммы на привезенном из дома постельном белье и полотенцах. Веронике нравились эти женщины, год за годом возвращавшиеся в пансионат, – нравилась их практичность и приземленность. Среди них было много вдов, таких же, как ее мать. Некоторые и вовсе не знали замужества.

Но сейчас Вероника сидела в гостиной в полном одиночестве. Высоко на стене тикали часы с маятником. На столи-

ке рядом с выдавшей виды колодой игральных карт в деревянной коробке лежала стопка еженедельных изданий. Вечерами она обычно брала парочку номеров наверх в свою комнату, чтобы полистать страницы светской хроники и рассмотреть фотографии с разных премьер. Там были фотографии нового шикарного отеля под названием «Аризона», дизайнер которого черпал вдохновение в Америке. Силуэты Французской Ривьеры, сфотографированные против солнца. Известная актриса с неприятной прической, в шортах и цветастой блузке. Да, в журналах было что посмотреть и чему подивиться. На последних страницах размещалась рубрика с вопросами «Уголок доверия», где читатели просили совета в любовных делах. Вопросы звучали, например, так: «Можно ли мне по-прежнему носить кольца, хотя я овдовела?» или: «Когда уместно начинать новые отношения после расторгнутой помолвки?»

Эва, редактор колонки, могла ответить, например: «Необходимо оставлять друг другу место и пространство! Тогда ваша любовь просуществует дольше».

У читательниц было полным-полно поклонников и сложностей в отношениях. Сама Вероника и близко никогда с таким не сталкивалась. Ей было не на что жаловаться. Не о чем спрашивать. Не о чем грустить. Как это несправедливо: многие еще более страшенькие и уж точно выше ее ростом все равно оказывались достойны любви. Разве не готова Вероника пойти на все, что угодно, лишь бы испытать любовь?

Хоть раз, но по-настоящему, чего бы это ни стоило?
Так она считала.

2019

Проходит два дня, и я практически успеваю забыть об авторе письма в редакцию. Но вот внезапно в мобильном что-то пропищало. Вначале я почувствовала раздражение, потому что запрограммировала телефон на беззвучный режим, за исключением звонков от Оскара и нескольких ближайших друзей. В основном ради того, чтобы самой не прислушиваться в ожидании звонков, которых не будет. Но, очевидно, мне все равно не удалось справиться с этой не очень-то сложной задачей. Секундой позже я замечаю, от кого пришло сообщение.

Уважаемая Эбба!

Мне передали Ваш вопрос об авторе письма, опубликованного в моей колонке некоторое время назад. Я обратилась к «Видящей сны» и уточнила, могу ли поделиться ее контактами. Она будет рада пообщаться с Вами. Ее зовут Вероника Мёрк, и проживает она в доме престарелых «Сосновая роцца» в Бостаде³. Вероника с нетерпением ждет, что Вы с ней свяжетесь. Надеюсь, все сложится!

*С наилучшими пожеланиями,
Моника Молния*

³ Небольшой прибрежный поселок на юге Швеции в провинции Сконе, популярный летний курорт.

Вероника Мёрк. Звучит как имя героини романа.

Признаюсь, я давно вынашивала мечту подружиться с пожилой дамой. Умной и душевной женщиной, готовой поделиться со мной своими премудростями, прошедшими испытание длиной в жизнь. Желательно способной видеть меня насквозь и принимать вместо меня некоторые важные решения. Такой, чтобы поддержала и научила меня. А вдруг Вероника Мёрк окажется той, о которой я мечтала? Бурю радости во мне эта мысль не вызывает, но прилив каких-то чувств я все-таки ощущаю. Растерянности? Надежды? Когда кажется, что радость недоступна, ими тоже можно прекрасно пользоваться.

Из ящика письменного стола, где царит беспорядок, выживаю купленную на барахолке папку с тисненой под лен бумагой. Если уж я берусь за это дело, то нужно подойти к нему основательно. Разве пожилые люди не ценят письма, написанные от руки? Да, кстати, кто их не ценит? Достая перьевую ручку Pelikan, подаренную Эриком на Рождество. Чтобы не просчитаться, я сама высмотрела ее на сайте комиссионных товаров. Чернила засохли (как это, опять же, символично), и я держу ручку под струей теплой воды в раковине на кухне, дожидаясь, пока они не потекут снова.

Потом удобно усаживаюсь на балконе с бокалом белого вина и подушкой на коленях вместо письменного стола.

Уважаемая Вероника!

Важно, чтобы письмо создавало профессиональное впе-

чатление – в нем должна сквозить серьезность. Но, может быть, «уважаемая» – это слишком высокопарно? Меняю на стандартное «Добрый день».

Ваше имя я получила от Моника Молнии из «Домашнего очага». Меня зовут Эбба Линдквист, я – журналистка и пишу статью об отношениях длиною в жизнь. Мне случайно попало на глаза Ваше письмо в редакцию «Домашнего очага». Ваш рассказ – и о долгом браке, и о девичьей любви – глубоко тронул меня.

Откладываю ручку в сторону. Вижу, как на детской площадке во дворе кошка справляет свои потребности в песочнице, а маленький мальчик с другом постарше в это время невозмутимо раскачиваются на качелях. Секунду понаблюдав за ними, возвращаюсь к письму. Тот, у кого был ребенок, никогда не перестанет присматривать за чужими детьми.

Идея заключается в том, чтобы взять интервью у людей, состоявших в отношениях длительное время. Как с годами меняются ожидания от любви? Что представляет из себя долгая и счастливая совместная жизнь? Каких она требует компромиссов? Как преодолеваются кризисы? Меняются ли с возрастом взгляды на любовь и каково это – спустя столько лет остаться одной? Судя по письму в редакцию и Вашей манере излагать мысли, мне кажется, у нас с Вами мог бы получиться интересный разговор, который, вероятно, поможет нашим читателям лучше понять взгляды Вашего поколения на любовь и брак.

Немного лести не помешает. Нет такого человека, который был бы совершенно глух к комплиментам.

Поэтому позволю себе спросить: могу ли я взять у Вас интервью? Я буду рада приехать в Бостад в любое удобное для Вас время. У меня есть время до конца лета.

Не говорит ли последняя строчка слишком явно о моем отчаянном положении?

... поскольку летом у меня гибкий график.

Прежде чем вложить письмо в конверт, проложенный изнутри шелковой бумагой обнадеживающего голубого цвета, подписываю снизу номер своего телефона и адрес. Аккуратно вывожу на конверте адрес получателя. Потом в одном платье и сандалиях сажусь на велосипед и качу к киоску у автобусной остановки, чтобы купить марку и опустить письмо в почтовый ящик.

* * *

Проходит несколько дней без ответа. И вот приходит длинное эсэмэс. С чего я взяла, что восьмидесятилетние не пишут эсэмэс-сообщений?

Здравствуйте, Эбба!

Мне очень приятно слышать, что Вы хотите со мной встретиться. Только я боюсь разочаровать Вас.

Не знаю, чем мои рассказы могут заинтересовать других. Вероятно, Вы приедете сюда совершенно напрасно, но ведь я Вас предупредила? Если Вы готовы взять на себя этот риск, приезжайте. Вы планируете приехать на один день или с ночевкой? В городе осталась пара пансионатов (правда, не тот, которым управляла моя мать, его, к сожалению, снесли), но бронировать их нужно заблаговременно.

У меня остановиться негде, поскольку сама я живу в доме престарелых, и прием гостей, которым нужен ночлег, здесь не предусмотрен (хотя у нас есть и зимний сад, и керамическая мастерская). Сообщите, когда Вы приедете и надо ли мне заранее что-нибудь обдумать. Как я уже сказала, не знаю, смогу ли быть Вам полезной, но должна признать, что звучит все это очень увлекательно.

*С наилучшими пожеланиями,
Вероника Мёрк*

Р. С. Предполагается ли вознаграждение?

Желания нужно загадывать с осторожностью. Они могут исполниться. Теперь мне уже точно придется отправиться в Бостад и написать статью.

Кстати, я однажды была там – выступала с лекцией на тему «Как стать кузнецом своего счастья?». Насколько я помню, это типичный рассадник золотой молодежи, выливающей на тусовках шампанское в раковину: они слоняются повсюду в своих модных поло, с зализанными назад волосами.

Выдержу ли я такое? Внезапно вся затея кажется мне не по силам. С другой стороны, мне многое кажется не по силам, и уже достаточно давно. Даже вставать и одеваться по утрам трудно. Застегивать пуговицы, которые скоро все равно расстегивать, – какой от этого прок? Перед тем как отправить одежду в корзину с грязным бельем, я начала носить ее по несколько раз, чтобы пореже стирать. И регулярный прием пищи уже кажется данью навязчивой рекламе. «А не принимая каждый день душ, мы вносим важный вклад в сохранение климата», – уговариваю себя. Я так долго вела пассивный образ жизни, что отвыкла от деятельности.

* * *

Растерянность – первый шаг на пути к чему-то новому. Психолог, в прошлом частый гость моей радиопрограммы, утверждала, что, отступая на шаг от поставленных целей, человек становится ближе к своему естеству. Она полагала, что растерянность дает некую свободу, позволяет по-честному переосмыслить приоритеты. Помню, я думала тогда: «Можно, конечно, и на чужом отчаянии деньги зарабатывать». Но сейчас мое положение настолько бедственно, что я и сама готова поверить в девиз, который с легкостью можно вывести витиеватым почерком на белом камне. «Ошибки – портал открытий», – говорила еще психолог. Портал, прости господи!

Иду в ванную. Из сливного отверстия торчит большой клок волос. По словам врача, у многих выпадают волосы после мучительного расставания. Приблизительно семь месяцев спустя шок доходит до волосяных мешочков, и волосы начинают сыпаться.

Я принимаю и пантотеновую кислоту – витамин В₅, и цинк, и биотин, но волосяные мешочки, похоже, отказываются усваивать питание, потому что улучшения не видно. Волосы выпадают, и все тут. Открываю шкафчик с хозяйственными принадлежностями и вытаскиваю задеревеневшие от времени резиновые перчатки. Потом достаю жидкое хозяйственное мыло и кальцинированную соду, встаю на колени и начинаю драить.

Пытаюсь вытащить скользкие клоки волос, ухватив туалетной бумагой. Их много. Слишком много дней и недель прошло под гнетом вины, печали и пережевывания случившегося. Время полной растерянности. Покончив с ванной, тщательно протираю бортики и начинаю оттирать дверцу и ручку холодильника. О необходимости вычистить ручки шкафов и холодильника часто и охотно забывают. А это – один из главных очагов бактерий в доме.

Суровым движением вытаскиваю полки холодильника и начинаю протирать жесткой щеткой, споласкивая в мойке под струей горячей воды до тех пор, пока всю кухню не заполняет густой пар – как на процедуре у косметолога. Теперь пар очистит от изъязнов кожу моего лица. А может быть, и

всю мою сущность.

За последний год я практически не видела своего отражения. Только бросала украдкой быстрый взгляд на запотевшее зеркало, принимая душ. Словно не в состоянии принять свой нынешний образ, если он изменился. Оставили ли грусть и переживания следы на моем лице? Видны ли они в моих глазах и новых морщинах? Мне не хочется узнавать ответ. Человек не всегда может смело посмотреть себе в глаза.

Выпиваю два стакана ледяной воды с лимоном и надеваю чистую футболку. По квартире все еще разбросаны мелочи, напоминающие об Эрике, я просто не могла заставить себя убрать их. Ожерелье из ракушек на комод в спальне. Настольный хоккей на книжной полке. Кальсоны и майки, забытые в ящиках шкафа. Кабель от синтезатора. Все это – совсем неважные, мелкие вещи, но то, что я оставила их пылиться, говорит о моем нежелании что-либо менять. Я застыла, как вкопанная, будто испуганный зверек, и застряла в этом положении слишком надолго.

Пора встрепенуться и сделать шаг, куда – неважно.

1955

Пансионат стоял на склоне, возвышавшемся над берегом среди сосновых рощ, которые посадили, чтобы защитить песчаные просторы от выветривания. Вначале считалось, что берег не представляет никакой ценности. Ценными были только выброшенные осенью на берег фукусковые водоросли. Крестьяне использовали их для удобрения полей. Но постепенно береговая линия стала нравиться гостям, приезжавшим, чтобы попить минеральной воды, отдохнуть и подышать свежим лесным воздухом. Теперь песчаный пляж длиной в милю привлекал туристов больше, чем сельские окрестности.

Сам пансионат построили в конце XIX века, одновременно с железной дорогой. В тридцатые годы провели водопровод и сделали более современный ремонт в отдельных комнатах, но в остальном ничего не поменялось. Дубовый паркет в столовой был уложен елочкой, изящная мебель закуплена у датских производителей. Изредка по субботам устраивали танцы с приглашенным оркестром. Последним банкет заказывал Ниссе из банка по случаю своего пятидесятилетия. Он пригласил Котельный квартет Викмана, а Вероника в накрахмаленном переднике подавала канапе.

Завтрак накрывали с половины десятого до десяти. Тогда она выставляла кашу, яйца и нарезанный хлеб. Кофейные

чашки и пакетики с чаем. Графины с соком и молоком. Масло, сыр и домашний печеночный паштет. Каждый день одно и то же. После завтрака нужно все убрать и накрыть к обеду, на который обычно подавали суп на бульоне или суп-пюре. Иногда – запеканку. Многие постояльцы оплачивали полный пансион с трехразовым питанием и приходили четко по графику.

В пансионате никогда ничего не выбрасывали. Пользовались теми же предметами интерьера, фарфором и кастрюлями, плечиками и постельным бельем, ложкой для обуви и садовой мебелью, что и шесть лет назад, когда мать Вероники начала управлять им. Раньше она работала поваром холодного цеха, но шесть лет назад соблазнилась на предложение взять пансионат в аренду. Заведение было открыто только три месяца в году, так что в оставшееся время они по-прежнему жили в своей квартире в Мальмё, где мать брала на дом швейные заказы и подрабатывала на кухне в отеле «Савой». Ей нравились перемены и новая обстановка.

А постоянные клиенты, напротив, изменений не любили. Из года в год все должно оставаться прежним. Латунная подставка для зонтов всегда стояла у парадного входа, все с теми же черными зонтами. Железные кровати – тоже на своих местах. Часть матрасов сменили на новые той же марки, но лишь после того, как они стали походить на настенные коврики. Белые вязаные покрывала трещали, когда их доставали после зимы. Кремовые кружевные гардины сшила еще

невестка прежнего арендатора.

И шерстяные носки грубой вязки, лежавшие в синей корзине внизу стеллажа в прихожей, были теми же, из года в год. Их даже не стирали, в лучшем случае слегка проветривали на свежем воздухе. Располагали тем, что имелось. Ничего не следовало менять – это сочли бы за легкомыслие. Вещи олицетворяли собой надежность и ценность, создававшуюся годами. Начни разбирать все по кусочкам, заменяя отдельные части, и впечатление станет другим. Некоторые предметы раздражали, но о том, чтобы сменить их, не могло быть и речи. Единство стиля все равно сохранялось. Простота. Отсутствие роскоши. Функциональность. Предметы будто отказались от своих особенностей, чтобы вписаться в законченный интерьер. А мать Вероники обладала уникальной способностью вдохнуть во все ощущение домашнего уюта и стиля. Вкусно приготовленная еда. Идеальная чистота. Свежее постельное белье – его кипятила и утюжила фрёкен Бьёрк, жившая неподалеку на той же улице.

Среди их родни было много разных предпринимателей, пусть даже и скромного размаха. Дядя Вероники занимался импортом посевного материала для крупной цветочной компании и разъезжал по всему миру, чтобы договариваться о ценах на поставки и поддерживать отношения с производителями. Он бывал в Америке, рассказывал о чудесах селекции и кукурузных початках размером с бутылку лимонада. Дедушка Вероники в свое время держал молочную лав-

ку. В памяти еще остались сладковатый запах и полные продащицы в накрахмаленных шапочках и белых передниках, разливавшие такое же белое молоко из стоявших за прилавком бидонов. Ни дедушки, ни отца уже не было в живых. Но Вероника с матерью справлялись неплохо. Жизнь заставляет двигаться дальше. Если сам не знаешь куда, приходится полагаться на решение тех, кто знает лучше. С будущей осени мать записала Веронику в Школу домоводства в Мальмё на двухлетний курс, который многому может заложить солидную основу. Не в последнюю очередь – подготовит ее к работе в роли матери и супруги.

Но сама Вероника не очень-то понимала, кем хочет быть. И даже не знала, кем была.

Сигне, конечно, уже встала – она варила яйца и нарезала хлеб на кухне вместе с бдительным пансионатским помощником Сэльве. Этот молодой парень сначала отдыхал в пансионате, а теперь выполнял всякие поручения. Учеба ему не давалась, но он мог заменить пробки, починить садовую мебель и принести из погреба ящики с лимонадом.

Сигне болтала без умолку, подолгу слушать ее было утомительно. Когда с кухни уходили, она продолжала говорить вместо радио. Как только поблизости оказывался живой человек, Сигне начинала свою речь, совершенно не беспокоясь, к кому обращается. Другим приходилось вставлять свои реплики, только когда она на мгновение умолкала, чтобы на-

братъ в легкие воздуха, иначе перебить ее не представлялось возможным. Говорила Сигне по большому счету всегда об одном и том же: о своих умениях и о том, как может сварить кашу из топора, о бережливости, отличающей ее от других поварих – тех, что выкидывают половину продуктов на помойку, правда, пальцем на них указывать она не хотела. Сигне получала удовольствие от того, что говорит; таким образом она объясняла свой вклад в общее дело – ее голос перечислял всю работу, которую монотонно делали ее руки. Полные, короткие руки с пальцами одинаковой длины. Эти пальцы всегда были слегка растопырены, словно в любой момент готовы ухватить пакет с мукой или вытащить из духовки кекс.

Мать Вероники никогда не сидела сложа руки и все время находилась в движении. Даже ела, стоя у мойки, чтобы быстрее помыть и убрать тарелку, как только доест. Для себя она с большой неохотой брала новую порцию чего-нибудь вкусного, а вместо этого доедала за другими с уже использованной посуды. Меньше мыть – эффективнее. Расчесывалась и красила губы мать обычно на ходу.

«Она чересчур суетится, – говорила Сигне. – Твоя мать слишком много суетится».

В этом году они ожидают необычного гостя. Студента Высшей художественной школы Гётеборга. Он выиграл какой-то конкурс и заселится теперь на целых три недели в од-

ну из самых маленьких комнат на верхнем этаже. Сам ректор звонил, чтобы забронировать ему комнату. Именно в тот день мать попросила Веронику проследить за прибытием гостя и сообщить, когда он появится. Студента звали Бу, и он приезжал двухчасовым поездом. Обычно художники не входили в круг их постояльцев. Им было не по средствам жить в пансионате, хотя она слышала, что деревеньку в нескольких десятках километров иногда посещали художники, даже из Японии – исключительно из-за диабаз. Это черная мелкозернистая горная порода, о которой мечтали скульпторы всего мира. Говорили, что сам Эмпайр-стейт-билдинг был украшен с использованием камня, добытого недалеко отсюда. Но Веронику диабаз не интересовал. Каменоломни казались ей ужасным местом. Она предпочитала купаться в море, где украдкой натирала лицо светло-зелеными водорослями, отчего кожа становилась такой мягкой. Как у русалки.

Первым к завтраку спускался Арвид, дедушка, снимавший из года в год одну и ту же комнату – однажды, проходя по саду под окнами, Вероника заметила, как он высмаркивается в гардину. Она ничего никому не сказала, ограничилась тем, что сняла гардину и сдала в стирку, как только дедушка уехал. Он был доцентом археологии из Лундского университета. Рассказывали, что Арвид участвовал в раскопках вместе с королем и имел гомосексуальные наклонности. Он всегда носил светлые, потертые льняные костюмы. Франси утверждала, что одежда настоящих интеллигентов

всегда выглядит слегка поношенной. По этому признаку их и узнают. Только заносчивые нувориши могли позволить себе выглядеть безупречно. В пансионате останавливались разные гости. Юрисконсульты. Инженеры. Учителя. Аспиранты. Управляющие. Изредка – молодожены.

У Вероники был транзисторный радиоприемник, который она обычно брала с собой, когда уходила на укромный маленький пляж, скрытый от чужих глаз тростником. Приемник ловил сигналы иностранных радиостанций. Еще она захватывала с собой термос, пару глянцевого журналов и пачку печенья с лимонным кремом. Задремав над какой-нибудь историей о врачах и медсестрах или о сельских усадьбах, она предавалась фантазиям. Смутным грезам о телесном. Испытывала не находившее себе выхода возбуждение. Она целовалась с мальчиками всего дважды, последний раз – прошлой осенью по пути домой с танцев. Но когда Вероника попыталась высвободиться из грубых объятий с претензией на большее, мальчишка прошипел, что она ведет себя как ребенок, и в ярости удалился. У Вероники остались синяки и чувство унижения, так что об этом происшествии она старалась не вспоминать. Но сейчас в ней просыпалось совсем другое желание – ее собственное, звучащее чистым и ясным тоном. А в другие дни она испытывала необъяснимое разочарование и грусть, словно заранее устав от всего, что должно было случиться. Будто все планы уже реализованы. В такие моменты Веронике все казалось не по силам. Где найти

силы, чтобы прожить еще целую жизнь?

Школа домоводства, по крайней мере, поможет как-то отстраниться от мыслей о будущем. А чем, кстати сказать, Веронике еще заниматься? Ей нравилось читать и срисовывать с выкровок изображения девушек в платьях с узкими лифами и широкими юбками, но на этом ведь денег не заработаешь.

Правда, пока стояло лето, она могла позволить себе просто лежать на солнце, задремывая и просыпаясь под звуки волн. Где-то вдалеке послышался смех и гудок поезда. Прибыл двухчасовой? Но потом Вероника крепко заснула и больше уже ничего не слышала.

Она вернулась в пансионат в шестом часу. Франси встретила ее у стойки администратора.

– Приехал студент из Гётеборга. Странный он какой-то, – прошептала она низким голосом.

– В каком смысле?

– Он ходит в кожаной куртке. В такую жару!

– И где он?

– В своей комнате. К ужину, наверное, спустится.

Но на ужин студент из Гётеборга не пришел. Он оставался в своей комнате. Похоже, он только раз мимоходом подошел к стойке администратора, чтобы попросить Франси одолжить велосипед. Она ответила, что можно взять один из дамских велосипедов на частной половине дома под навесом, рядом с дровяным сараем и мусорными бачками. К сожалению, на всех мужских велосипедах были проколоты ка-

меры. Значит, он хочет ездить в мастерскую, где должен работать, на велосипеде? Причем на дамском? Похоже, так. Раз он из большого города, возможно, там можно пренебрегать нормами. Жители больших городов не боялись «быть самими собой», какой бы смысл ни вкладывали в это понятие.

В половине одиннадцатого вечера, когда Веронике все еще не спалось в душной каморке, она спустилась в гостиную – найти себе что-нибудь почитать. Обычно многие постояльцы задерживались там после ужина, чтобы сыграть партию в карты и выпить рюмку ликера, прежде чем разойтись по комнатам. Но сегодня гостиная пустовала.

Пытаясь отыскать в книжном шкафу что-нибудь, что еще не читала, или журнал с неразгаданным кроссвордом, Вероника заметила куртку, висевшую на спинке стула у секретера. Стул поставлен так, будто кто-то только что встал с него. Коричневая кожаная куртка с рукавами в резинку и шелковой подкладкой. Вероника взяла ее со стула. Кожа скрипит. От куртки веет едва уловимым запахом сигаретного дыма и чего-то еще. Запахом пота? Вероника проверяет содержимое карманов – нельзя же с определенностью быть уверенной, что куртка принадлежит именно тому, про кого она думает, – и находит погашенный билет на поезд с Центрального вокзала Гётеборга. Надев куртку, девушка подошла к висящему в углу большому зеркалу. На улице все еще светло. Лишь тонкая шаль летней ночи мягкими складками окутывает сад.

В таком тусклом свете, особенно если прищуриться, Ве-

ронике кажется, что она вовсе недурна собой. И не такая уж и высокая, когда не с кем сравнивать. Она могла бы подражать девушкам с фотографий в глянцевах журналах, немного опустив подбородок. Раскрыв пошире глаза. Поставив руки на талию. Вероника расправляет воротник и подходит поближе к зеркалу. Оно висит на том же месте, как и в тот день, когда они с матерью впервые приехали сюда. Слегка засиженное мухами, в раме, покрытой лаком, со сколами в нескольких местах. Захватив волосы в конский хвост, Вероника начинает рассматривать свое отражение. Год назад один из постояльцев сказал ей, что именно такой он представляет себе Кристин, дочь Лавранса, – героиню одного норвежского романа⁴. Та тоже была длинноволосой блондинкой с печальными глазами. Замечание про печальные глаза расстроило Веронику. Она хотела быть простой и жизнерадостной, чтобы соответствовать идеалу. А кому нравится уныние?

Вероника слегка приподняла подбородок и скорчила гримасу. Если постараться, вполне можно сойти за кого-нибудь другого. Будто внешность меняется одним усилием воли. Кстати, все манекенщицы высокие. Только высоких берут в манекенщицы.

– Тебе идет.

⁴ Имеется в виду одноименная историческая трилогия, написанная в 1920-е годы норвежской писательницей, лауреатом Нобелевской премии по литературе Сигрид Унсет (1882–1949).

От внезапно прозвучавшего голоса Вероника вздрогнула. Кто-то неслышно зашел в гостиную. В зеркале у себя за спиной она увидела молодого человека. Высокого, худощавого, с густыми, зачесанными назад волосами. Из нагрудного кармана рубашки небрежно торчит пачка сигарет. Вероника быстро сняла куртку.

– Прошу прощения, я просто хотела примерить.

– Да пожалуйста, примеряй, мне не жалко.

В его манере сквозит что-то неестественное, заученное. Она хладнокровно подумала, что многие девушки из социального класса, к которому она принадлежала, определенно сочли бы его красивым. Наверное, приятно поддаться ожидаемому искушению.

– Так, значит, ты – Бу?

– Откуда ты знаешь?

– Этот пансионат принадлежит моей матери. Мы ждали сегодня прибытия студента. А вообще, молодежь гостит у нас нечасто.

– А тебя как зовут? – спросил молодой человек, протягивая ей руку для приветствия.

– Вероника.

– Вероника, – подтвердил он, кивнув, словно всегда знал, как ее зовут, и только на мгновение забыл.

Из комнаты над ними послышались тревожные шаги. Скорее всего, это встала и принялась ходить взад-вперед госпожа Сёдергрэн. Она часто страдала бессонницей и слонялась

по своей комнате всю ночь напролет, раскладывала пасьянс и пила вишневый ликер. Иногда госпожа Сёдергрэн в халате спускалась в гостиную, просто чтобы сменить обстановку.

– А ты тоже живешь в пансионате? – спросил молодой человек, посмотрев на Веронику.

– Да, прямо под тобой. На втором этаже.

Она тут же пожалела о сказанном. Теперь он подумает, будто ей делать больше нечего, кроме как вынюхивать, в какой именно комнате он остановился.

– Тогда будем надеяться, что я не храплю. На случай, если здесь плохая изоляция. Ну а музыку, по крайней мере, включать можно? Я взял с собой патефон, чтобы было чем заняться вечерами. Заранее ведь не знаешь, вдруг тут окажется ужасно скучно.

Бу достал из кармана рубашки жестяной портсигар с сигаретами «Честерфилд».

– Хочешь? – спросил он, протягивая ей портсигар.

– Нет, спасибо, я не курю.

– Мне нужно глотнуть вечернего воздуха. Составишь компанию?

Студент прошел вперед и открыл двери на террасу, будто это он чувствовал себя здесь как дома, а не она.

Внезапно Вероника стала ощущать свое тело, чувствовать каждое движение. Слегка вытянула шею. Зачем? Чтобы настроиться на общение, причем несмотря на то, что не восприняла его всерьез? Они вышли на террасу. С берега до-

носился шум тростника, как будто кто-то печатает на крошечных печатных машинках или насекомые нашептывают друг другу сплетни. Иногда Веронике приходили на ум такие странные мысли. Она пугалась и никому о них не рассказывала.

Взяв в рот сигарету, Бу достал коробок, зажег спичку и сложил ладони полукругом, защищая пламя. Получилось элегантно. Такой жест Вероника раньше видела только в кино и удивлялась: как они не боятся обжечься? Сама она боялась огня. Даже бенгальского. Ее пугало все, что не поддается контролю.

– Хорошо, что ты не куришь. Это тебе вредно. – Взглянув на Веронику, Бу торопливо выдохнул облако дыма у нее над головой.

У нее возникло странное ощущение от его уверенности в том, что для нее хорошо. И оттого, что он берет на себя смелость говорить об этом.

– Берег в той стороне? – спросил Бу, кивнув вперед.

– Да. Сразу по ту сторону дороги есть тропинка, которая спускается вниз, к берегу.

– Там, где я живу, не бывает песчаных пляжей. Только скалы. Мне бы хотелось посмотреть, какое здесь море. – Он задумчиво прищурился, всматриваясь в темноту, и сделал еще одну затяжку.

С едва заметным разочарованием Вероника подумала, что *смотреть* на море как-то даже смешно. Не купаться и не гу-

лять по взморью. Просто глазеть. Никто из местных так бы не сказал.

– В это время суток смотреть особо не на что, – коротко ответила она.

– Ну, тебе-то, может быть, и не на что. Кстати, сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Я бы дал тебе не меньше двадцати двух. – Бу сплюнул частичку табака. – Мне уже двадцать один, так что я многое повидал, – заметил он, убежденно кивнув.

– Я слышала, что ты выиграл конкурс. А какой?

Вероника переносила вес с одной ноги на другую, надеясь стать чуть-чуть меньше ростом. Ужаться на пару сантиметров, продавив подошву.

– Это стипендия. Я должен создать скульптуру. В Лахольме запустили огромную программу. Собираются закупать для города всякие предметы искусства. В основном работы известных художников и скульпторов, но они захотели получить и несколько студенческих работ.

Бу повел плечами.

– Так вот, они связались с Художественной школой «Валанд», где я учусь, и руководство решило дать шанс студентам выпускного курса. Я выиграл конкурс. По его условиям я получаю жилье с полным пансионом на три недели, чтобы закончить работу над скульптурой. Это достойное задание, настоящее. Мне даже еще немного денег выплачивают.

– А что изображает твоя скульптура?

Пожевав сигарету, Бу наморщил лоб.

– Наверное, можно сказать, что это композиция из двух геометрических фигур – куба и пирамиды. По замыслу, они символизируют мужчину и женщину. Он – куб, она – пирамида, балансирующая на своей вершине. То есть понимаешь, пирамида перевернута вверх ногами. В форме женского. Ну, в общем, понимаешь.

Бу закашлялся. Вероника отвернулась, чтобы он не заметил, как она покраснела.

– Модель уже готова, но сейчас я должен изготовить ее в полную величину. Ты знаешь скульптора Хуго Нурдинга?

Она отрицательно покачала головой.

– Я должен буду работать в его мастерской. По-видимому, она расположена где-то поблизости, в местечке, которое называется Люкан⁵. Ты не знаешь, где оно находится?

– Знаю, конечно.

– Отсюда недалеко? Я собирался ездить туда на велосипеде.

– Да не очень, за пятнадцать минут доберешься. А где установят эту скульптуру, когда она будет готова?

– Пока не знаю. Но в любом случае говорят, что на достойном месте в Лахольме.

Он затушил сигарету в пепельнице.

⁵ В переводе со шведского название населенного пункта означает «луг», омоним слова «счастье».

– Звучит очень увлекательно.

– Так оно и есть.

Террасу окутывал плотный цветочный аромат. В тот год жасмин разросся необычайно. Как и жимолость, и давидии, и кусты рододендронов. Веронике раньше не приходилось видеть такого пышного цветения. Никто не знал, с чем это связано. Вероятно, с затянувшимся летом и жарой в сочетании с влагой, поступавшей с окрестных холмов. Тяжелый цветочный аромат казался почти тошнотворным, особенно по ночам.

Некоторое время они стояли молча. Было в этом что-то особенное – стоять так близко друг от друга в темноте летней ночи, не испытывая при этом потребности говорить, и в то же время не расходиться. Так многозначительно. По-взрослому.

– Твоя сестрица сказала, что я могу одолжить велосипед.

– Ты имеешь в виду Франси? Это моя двоюродная сестра.

– Ах вот оно что. Вы действительно не очень друг на друга похожи.

Бу задумчиво посмотрел на девушку, словно открыв в ней нечто новое, чего никто другой никогда раньше не замечал. Вероника знала в себе эту особенность и ждала, когда ее заметят другие.

– Она сказала, что велосипеды стоят в каком-то сарае.

– Сарай вон там, – показала она рукой.

– Отлично, – ответил он, сунув руки в карманы брюк.

Они надолго замолчали. Было слышно ночных насекомых: жужжали стрекозы и пищали подлетающие и исчезающие в темноте комары. Комаров здесь обычно немного, их сдувал ветер с моря.

– Мне пора ложиться. Утром рано вставать.

Захватив свою куртку, Бу направился к дверям террасы, и они вернулись в дом.

– Если я буду храпеть слишком громко, поднимись и постучи. Не стоит рисковать, не давая тебе спать по ночам.

Бу улыбнулся и стал неспешно подниматься по лестнице. Перед тем, как исчезнуть, он обернулся и сделал едва заметное движение рукой. Вероника неловко помахала ему в ответ. Потом до нее донеслись шаги по лестнице и, наконец, еле слышный звук открывшейся и тут же закрывшейся двери.

Сама же Вероника стояла, прислушиваясь к ударам своего сердца.

Оно билось громче, чем стучат рельсы при приближении поезда.

Лежа в кровати, Вероника всматривалась в потолок. Теперь она уже совсем не могла уснуть. Во всем теле пульсировал непонятный подавляемый жар. Это все потому, что он застал ее врасплох там, в гостиной. И из-за разговора, который возник сам собой. Возбуждение ощущалось так же сильно, как испуг и даже паника.

Словно что-то внутри било тревогу. Вероника лежала неподвижно, ожидая, когда же все это утихнет, но ничего не утихало.

Сейчас, когда она знала, что студент находится над ней, комната казалась другой. Как будто он мог увидеть Веронику, глядя сверху вниз, туда, где она лежит в своей постели, до щекотки плотно сжав колени. Несмотря на невинность, Вероника достаточно хорошо осознавала свою сексуальность. Она научилась доводить себя до оргазма, сначала очень осторожно, только сверху, а потом, где-то год назад, в панике нашла у себя вагину. Девушка всегда представляла себе, что этот орган заходит в тело под прямым углом, но, когда ей наконец удалось запустить туда палец, она обнаружила, что вагина уходит вверх вдоль живота. Ей потребовалось время, чтобы осмыслить это открытие. Все получилось совсем не так, как она ожидала. Чтобы возбудиться, Вероника чаще всего использовала отрывок из рассказа «Цыпочка: унижение и торжество девушки». Отдельные фразы застряли в памяти, она могла вспоминать и домысливать их, строя вокруг слов бесконечные фантазии до тех пор, пока они не утратят своего действия. Но сейчас мысли ее занимали не фразы и не выдуманные герои романов. Она думала только о нем, о студенте Бу, который сейчас в комнате над ней. Наверху стояла тишина. Спит ли он? Звуки храпа до Вероники не доносились. А лучше бы ей их услышать. Тогда она могла бы встать на стул, стоявший у письменного стола, и постучать

в потолок. Три длинных сигнала и три коротких. Как в азбуке Морзе. В конце концов она поднялась, подошла к окну и высунулась наружу проверить, не приоткрыто ли окно в его комнате. Так и есть, приоткрыто. Виден свет лампы, но звуков не слышно. По крайней мере, ей известно, где он живет. Студент останется в комнате над ней до конца августа. С этой утешительной мыслью Вероника вернулась и снова легла в постель.

Она все-таки уснула, но только когда уже рассвело и небо приобрело цвет нежной, покрасневшей от загара кожи.

2019

Мне всегда нравилось путешествовать поездом. Особенно я люблю экспрессы Snälltåg⁶ и старые поезда дальнего следования Intercity, которые все еще можно встретить на некоторых маршрутах. Я уже мечтала о том, как поеду на поезде в Бостад. Но оказалось, что мне придется сделать крюк, заехав в Гётеборг, где я пересяду на скучную местную электричку. И старые составы Intercity не ходят по этому маршруту. Только высокоскоростные X2000.

Последний раз я ехала на поезде в южном направлении с Эриком, направляясь в Копенгаген. Мы взяли в дорогу из дома перекус с датским сыром, который вонял так, что нам пришлось закрыться в туалете, чтобы съесть его, пока проводник колотил в дверь, а мы смеялись до колик. Это воспоминание вызывает боль, и я стараюсь отогнать его от себя. Поездки на поезде – всегда приключение. Ты оказываешься во власти сидящего рядом пассажира. У парня, занявшего соседнее место, вдоль виска красуются татуировки звезд – в таком количестве, что можно подумать, будто он хотел изобразить собственный Млечный Путь. Слава Богу, он не

⁶ Железнодорожный оператор Snälltåg (в переводе со шведского – «добрый поезд») возник в 2006 г. при отмене государственной монополии на железнодорожные пассажирские перевозки. Создан с участием французского капитала и специализируется, в частности, на маршрутах, ведущих в горы.

проронил ни слова, потому что с головой ушел в игру Candy Crush в мобильном телефоне. Откинувшись на спинку сиденья, я наблюдаю, как он методично размещает кусочки леденцов жизнерадостной окраски, составляя адский пазл – бесконечный и с непонятным сюжетом. Похоже на плохую метафору жизни.

Пока за окном сменяют друг друга торговые центры и строительные супермаркеты, мы сидим, сохраняя умиротворенное молчание. Мимо проносятся несчастные устаревшие центры городков с каким-нибудь отелем, который раньше выглядел роскошно, а сейчас на фоне громадного безвкусного новодела вызывает смех. Мелькают облезлые фасады рабочих кварталов. На гребне скалы возвышается летняя вилла с башенкой и выступающими вперед верандами. Голубое здание молитвенного дома с полуциркульными окнами. Словно автографы тех, кто хотел увековечить свою эпоху с помощью красивой архитектуры. Возвести памятник самому себе. Эти люди надеялись, что потомки оценят их вклад. Но нет. Потомки при любой возможности беззаботно скидывают с себя ответственность за его сохранение.

Последнее время мне и самой хотелось бы обрести немного подобной предприимчивости, не отягощенной сентиментальностью. Удали и забудь. Двигайся дальше! А я вместо этого застряла – сижу на диване и всматриваюсь в никуда, а то и вовсе роняю слезы над клипами из Ютуба про зверьков – как им чешут брюшко или как они дружат, когда должны

бы враждовать. Я же оказалась даже не в состоянии поддерживать связь с друзьями – не переношу звук своего голоса, объясняющего, что мне все еще плохо. Пить кофе с подружками в кафе или обедать с ними в ресторанах и того хуже. Не хочу без необходимости навязывать им свое удручающее общество. Плач уже практически стал для меня способом времяпровождения. Жжение подступающих слез теперь знакомо мне не меньше, чем потребность сходить в туалет.

Чтобы остановить очередной приближающийся приступ плача, резко встаю со своего места и отправляюсь в вагон-ресторан. Зависаю над стеклянной витриной. Вот ведь вопрос, что выбрать: салат с цыпленком или с овечьим сыром? Раньше мне не составляло труда сделать выбор. Сформулировать точку зрения или задачу; решить, что верно, а что нет; выбрать меню обеда. Сомнениям не оставалось места. Напротив, на тех, кто сомневается, я смотрела свысока. Неужели так сложно определиться? Кусочки цыпленка немного крупнее, чем ломтики овечьего сыра. Но, с другой стороны, в салате с цыпленком нет авокадо. Мужчина, стоящий за мной в очереди, начинает незаметно покашливать, я в конце концов хватаю салат с овечьим сыром и слабоалкогольное пиво, расплачиваюсь и усаживаюсь по направлению движения за неопрятный угловой столик.

Я забронировала три ночевки в пансионате «Сосновый приют». Гонорар от редакции не включает расходы на проживание, так что придется потратиться. В качестве оправда-

ния решаю для себя, будто вся экспедиция – не только командировка, но и немного отпуск. В любом случае трех дней на эту работу более чем достаточно. Вечерами я могу гулять по взморью. Собирать какие-нибудь ракушки. Может быть, искупаюсь, если будет тепло.

Пробую салат, сразу раскаиваюсь, что не выбрала цыпленка, выпиваю глоток пива, открываю ноутбук и ввожу в строке поиска название дома престарелых, где живет Вероника.

В «Сосновой роще» есть библиотека и гостиная с кухней для общего пользования, где можно пообщаться за чашкой кофе и поучаствовать в развлечениях на досуге. Во всех квартирах проведен ремонт, оборудованы просторные санузелы и имеются приспособления для лиц с функциональными ограничениями. Квартирозъемищикам обеспечена поддержка администратора, консультанта и сиделки, которые совместно работают над тем, чтобы предоставить вам высочайший уровень обслуживания. Во всех квартирах предусмотрена кнопка тревожной сигнализации для вызова персонала в круглосуточном режиме.

Кнопка тревожной сигнализации. Мне бы тоже такая не помешала. Чтобы ко мне бежали по первому зову, как только я почувствую беспокойство, чтобы поддержали заботливой рукой и светлым взглядом. И еще, наверное, чашкой дымящегося молока.

«Мы организуем совместный досуг – настольные игры,

«бинго», хоровое пение, музыкальное кафе и викторины. По заказу проводим специальные ужины и сеансы массажа спины под классическую музыку. В праздники устраиваем застолья с музыкально-развлекательной программой».

Я чувствую укол зависти. В каком возрасте получаешь право переехать в такое место? Мне сорок три. Вероятно, еще маловато.

Осматриваюсь вокруг, на белые пластиковые столы и обтянутые красным винилом сиденья.

Где-то я читала, что раньше в поездах работали мальчишки, единственной обязанностью которых было бить в гонг, объявляя, что обед подан, – так называемые бутербродные. Обед подавали на белой скатерти с крахмальными салфетками. Вот бы мне такого мальчика. А еще – кнопку тревожной сигнализации. И колею, и цель, и смысл.

Однажды Эрик заметил, что я всегда знаю, что делаю, и это одно из качеств, которые он больше всего во мне ценит. Видел бы он меня сейчас. «Эбба – источник неиссякаемого заряда энергии и лектор, который с помощью эффективных инструментов поможет вам отучиться от иррационального поведения, сформулировать умные цели и обрести веру в то, что все проблемы решаемы» – сказано на моей теперь уже редко посещаемой странице в интернете.

Отпиваю пива и закрываю глаза.

Когда я схожу с поезда на железнодорожной станции Бостада, часы показывают 16.45. Асфальт плавится от жары. Здание станции в форме куба из красного кирпича построено недавно. Окошки мелкие, половина парковочных мест свободна. Соблюдены все требования безопасности и доступности для маломобильных групп населения. «Здесь вырастает будущее!» – гласит баннер, закрепленный на строительных лесах. Я быстро качу свою дорожную сумку к выделенной для автобусов полосе. До центра пешком далеко, но, к счастью, автобус ждет на остановке. Несколько мгновений спустя он трогается с места, я – единственный его пассажир. Водитель оборачивается ко мне:

– Вам куда?

– В пансионат «Сосновый приют».

– Тогда я высажу вас на Станционной террасе, и последний отрезок пути вам придется пройти пешком.

Усаживаюсь в передней части салона на место для инвалидов. Это кажется мне более чем правильным. Если прислушаться к себе – а это я делаю с большой готовностью, – можно сказать, что у меня немного болит голова. У шофера включено радио, похоже на «Угадай мелодию» или что-то в этом роде. Раскачивающие движения автобуса отдаются во всем теле. За окном автобуса проплывает магазин садовых

принадлежностей и универмаги с электротоварами. Прежде чем отвести взгляд, несколько раз успеваю заметить свое отражение в зеркале заднего вида. Скулы заострились, я сильно похудела. Нос, про который Эрик говорил, что его хочется укусить, теперь торчит вперед. Как могильный камень из тощей земли. В парикмахерской сто лет не была. Волосы отрасли до плеч и выглядят безжизненно. Я практически стала не похожа на себя, и это к лучшему. Есть нечто успокаивающее в том, что внешность меняется в унисон с самочувствием.

Наконец автобус притормаживает у края дороги, и водитель кивает мне, обернувшись:

– Мы прибыли. Как подниметесь вверх на холм, поверните налево и увидите «Сосновый приют».

Поблагодарив водителя, выхожу из автобуса. Пока я плетусь вверх по холму, колесики сумки дребезжат на дороге. Слева от меня – старая железнодорожная станция; на здании еще сохранилась вывеска. Часть фасада заплетена диким виноградом и еще каким-то колючим дерьмом. Из густых зарослей кустарника доносится птичий свист. Если верить карте мобильного телефона, до пансионата остается сто пятьдесят метров. Чувствуется соленое дыхание переменчивого ветра. Странно, что улицы так пустынные, все-таки на дворе первая неделя июня, и стоит теплая погода, но может быть, для отпускников еще рановато. Мне кажется, до меня доносится звук игривого ветра. В остальном слышен только мой обыч-

ный звон в ушах.

Напротив стойки администрации, на столике у углового дивана, разложены местные газеты и туристические журналы. Одну стену полностью занимает стеллаж с брошюрами, которые рассказывают, чем можно заняться в этих краях. «Культура полуострова Бьерё», «Велосипедные маршруты и туристические тропы». Другую стену украшают напольные часы в густавианском стиле, которые показывают неправильное время. Скорее всего, они стоят там только для антуража. Подхожу к стойке администрации и звоню в маленький колокольчик на прилавке. Из соседней комнаты выходит блондинка лет двадцати с длинными ресницами и затянутыми в кичку волосами. Она надменно смотрит на меня.

– Здравствуйте, я бронировала комнату, – говорю я. – На двое суток. Мое имя – Эбба Линдквист.

– Минуточку, – отвечает девушка, что-то проглатывая, и начинает перелистывать бумажки в папке. – У нас система зависла, временно работаем по старинке. Но я вижу бронирование. Она тычет пальцем в бумажку: – Госпожа Линдквист забронировала полный пансион. С завтраком и ужином из трех блюд?

– Да, все правильно, – подтверждаю, задумавшись: эта девушка ко всем обращается так подчеркнуто вежливо или просто издевается надо мной?

– Госпожа Линдквист хочет остановиться в старом здании или в новом корпусе? У нас сейчас не так много гостей, мож-

но выбрать комнату.

– А что лучше?

Девушка пожимает плечами:

– Лично мне больше нравятся номера здесь, в главном здании. Ближе к столовой. Стиль слегка старомодный, но это дело вкуса.

– Тогда давайте в главном здании, – озвучиваю я свой выбор.

– Может быть, сто третий номер? Это прямо над нами. На втором этаже.

– Прекрасно, – отвечаю я.

Она протягивает мне латунный жетон с ключом.

– Завтрак с семи до девяти. В цокольном этаже есть сауна. Если госпоже Линдквист будет угодно, я включу ее. Я здесь до десяти вечера, но на случай, если госпожа Линдквист захочет выйти, ключ от номера подходит к входной двери. Вот здесь меню ужинов на текущую неделю. – С этими словами девушка протягивает мне листок, элегантно отставив в сторону мизинец. – Столовая открыта с пяти часов вечера. Многие постояльцы предпочитают ужинать пораньше.

– Вот как?

Оглядываюсь вокруг. Коридор пуст, как и небольшой холл, в котором друг напротив друга возвышаются два кожаных кресла.

– Если у госпожи Линдквист остались вопросы, я с готовностью на них отвечу.

– Да нет, – отвечаю я, – спасибо!

Тащу за собой сумку по узкой лестнице. На стенах висят фотографии в рамках – на них изображен прежний король, а еще вырезка из газетной статьи под заголовком «Как Кеннеди провел неделю в Бостаде» с фотографией Джона Ф. Кеннеди и какого-то блондина, снятого против света. Успеваю рассмотреть подпись под фотографией: «По словам Гунилле, его голубые глаза блестят так, словно в них таятся звезды». Эту фразу я раньше уже слышала. Со многими вариациями. Иду дальше, на второй этаж.

В коридоре темно, но в конце концов мне удастся найти дверь и отпереть ее. Здесь нет пластиковых карточек, которые могут забастовать. Мелочь, а приятно.

В комнате помещаются две кровати со спинками светло-серого цвета. Под потолком хрустальная люстра, которая выглядит слегка шизофренически рядом с точечными светильниками, подсвечивающими фруктовый натюрморт. Французские лилии украшают гардины в темно-синюю и желтую полосу. На столике небольшой телевизор. На стене – овальное зеркало в белой раме. В маленьком сундуке, расположенном в ногах кроватей, хранится, как оказалось, дополнительный комплект подушек и одеял. Комната подомашнему уютна, жаловаться не на что. Захожу в ванную проверить, нельзя ли захватить что-нибудь с собой, домой. Нет, ничего нет. Единственное движимое имущество – запасной рулон туалетной бумаги, похоже, еще и с узором. Душ без

всяких претензий, на полу – пластиковый синий коврик, на стене – дозатор с обычным жидким мылом. Сбрасываю кроссовки, усаживаюсь на кровать и начинаю рассматривать коричневую приветственную папку для гостей заведения.

Пансионат «Сосновый приют» приглашает туристов с 1932 года и по сей день. В прежние времена пансионатом управляли фрёкен⁷ Столь и фрёкен Ульссон, они также проводили здесь курсы по хлебопечению и сервировке стола.

В рекламе постояльцам обещали пятнадцать солнечных комнат и свежий воздух без дорожной пыли. Чтобы в пансионате не было пыли, в летний период близлежащие грунтовые дороги дважды в день поливались водой.

Все комнаты оборудованы вайфаем, телевизором с плазменной панелью, феном и электрическим чайником. В гостиной вы можете выпить кофе с печеньем в любое время дня и ночи. Мы вкусно кормим и окружаем наших гостей теплом и заботой.

На сегодняшний день «Сосновый приют» – единственный круглогодичный пансионат, оставшийся в Бостаде.

Р. С. Покидая здание пансионата, берите с собой ключ. В ночное время суток стойка администрации закрыта.

Я подхожу к окну. Море отсюда не рассмотреть, но зато

⁷ В шведском языке: титул и вежливая форма обращения к незамужней девушке.

открывается вид на белый дом под названием «Берглиден», похожий на швейцарский сливочный пирог. Я задумываюсь: как выглядел пансионат, принадлежавший матери Вероники? Где он находился? Представляю себе застекленную веранду с видом на песчаные дюны, потертый паркет, может быть – курительную комнату с пальмами на подставках, тикающие напольные часы. Карточные игры. На стеллажах – книги в тканых переплетах. Сохранились ли еще такие места? Может, мне стоит купить старый пансионат и начать все с чистого листа? Если бы только удалось избежать постояльцев. Вот в чем загвоздка: общение с людьми требует сил.

Открываю балконную дверь и ступаю по выцветшему деревянному настилу. Справа открывается вид на зеленый крутой склон Халландского хребта, который возвышается стеной пестрой растительности. Я читала, что хребет, защищающий эту местность от проникновения холодных воздушных масс, в сочетании с влажным воздухом с моря создают здесь микроклимат наподобие дождевых лесов. Меня не то чтобы сильно волновали зоны земледелия, такие факты застревают в моей памяти против воли. А другие – намного более важные – ускользают.

С Вероникой я встречаюсь только завтра утром. Впереди у меня абсолютно свободный вечер. Может, перед ужином пройтись по взморью? Вроде бы разумное и полезное времяпровождение. Когда не знаешь, чем себя занять, приходится просто делать то, что кажется наиболее логичным.

Надеваю сандалии и отворяю дверь.

* * *

Он пришел на радио на временную вакансию звукооператора. В некотором роде я уже была с ним знакома, по крайней мере косвенно. Видела его на обложках многочисленных пластинок, в телепередачах и на афишах моей юности, потом однажды – вживую на концерте. Я штудировала и анализировала его тексты, слушала срывающийся голос в те короткие насыщенные годы, когда он был популярной звездой среднего масштаба, а я – жаждущим любви подростком. Кстати, обреченная на успех комбинация.

С тех пор я никогда не вспоминала о нем, пока Лина не застала меня на кухне со словами:

– Слушай, Юхану, к сожалению, продлили больничный, но в понедельник придет новый звукооператор. Он несколько лет проработал в Норрланде. Его зовут Эрик Эркильс.

– Эрик Эркильс? Тот самый? Певец? – Уставившись на нее, я застыла с кофейником в руках.

– Ты с ним знакома?

– Знакома ли я с ним? Да я обожала «Космонавтов»! Кстати, я не знала, что он теперь работает звукооператором, но жить-то на что-то нужно.

Лина пожала плечами.

– Если поп-звезды не умирают молодыми, рано или позд-

но они оказываются на радио. Ты не замечала? В любом случае, в основном он будет работать над твоей программой. Эрик до лета снял жилье недалеко от города. А к тому времени, будем надеяться, вернется Юхан.

– Он выходит уже в понедельник?

– Ну да. Вы будете работать в одном кабинете. К сожалению, больше его посадить некуда, но, может быть, это и к лучшему? Так вы быстро сработаетесь.

Лина отвернулась, поймала другую коллегу и, махнув на прощание, исчезла в конференц-зале. А я осталась стоять на месте. Эрик Эркильс. Кумир моей молодости. Угрюмый и своенравный артист, растворившийся на периферии после скандальных гастролей со слухами о разбитой гостиничной мебели и заголовками в газетах: «Я задыхаюсь без хаоса» и «Хочу просыпаться с похмелья в одиночестве». Другими словами, человек, явно противопоставлявший себя ценностным ориентирам, которых я придерживалась всю свою взрослую жизнь. Почти двадцать пять лет я не слышала о нем ни слова.

А теперь мы будем вместе работать. Мои программы о любви отнюдь не сделали меня более искушенной – сердце всколыхнулось.

* * *

На еженедельное собрание персонала он опоздал. Отво-

рил дверь и зашел, не снимая кожаной куртки. Шнурки развязаны, нос течет, в комнату пахнуло выхлопом автомобиля.

– Прошу прощения за опоздание. Велик припарковать было негде. Я – Эрик. Новый звукооператор.

Он поднял руку в знак приветствия. Я решила не пялиться на него, однако удержаться было трудно. На лице появилась парочка лишних пухлых килограммов, но общего впечатления они не испортили. С тех пор, когда я видела его в последний раз, шевелюра стала пореже – правда, волосы своего темного цвета не утратили. Из кармана рубашки торчала пачка сигарет. В целом он был похож на прежнего Эрика. Как сказал бы Оскар: «Старый, но выглядит круто». Он выдвинул стул рядом со мной и бросил на стол холщовую сумку. Казалось, кроме связки ключей и бумажника, в ней ничего не было.

– Можно я возьму? – прошептал Эрик, показывая на мою салфетку.

Я молча кивнула.

Он взял уже смятую салфетку и высморкался в нее – неторопливо и шумно.

– У меня аллергия, – шепотом объяснил он. – На тимофеевку. – Эрик с извиняющимся видом улыбнулся.

Тимофеевка? Он что, шутит? У Эрика Эркильса аллергия на тимофеевку? И где он ее, черт возьми, нашел? Да и вообще, цветет ли она сейчас?

– Тогда мы продолжаем, в скором времени мы представим

вас по всем правилам, – кивнув с упреком, сказала Линда, которая вела собрание.

Прикрыв рот рукой, словно уличенный в ябедничестве ребенок, Эрик скорчил мне пристыженную гримасу. Не проронив ни слова, я уже превратилась в его союзницу.

За годы работы я встречала немало знаменитостей и часто бывала неприятно удивлена, обнаружив, что даже те, кто внешне производит впечатление застенчивых и скромных, на поверку оказываются бесстыдными эгоистами. В результате я пришла к выводу: знаменитостями становятся только личности, которые действительно этого хотят. Стало быть, те, кого мы видим на страницах газет и экранах телевизоров, боролись изо всех сил, чтобы туда попасть, как бы успешно они ни напускали на себя флер равнодушия и беспечности. Любой из них или в любом случае большинство. Всеми фибрами души я чувствовала, что человек, сидевший рядом, привык к длительной бескомпромиссной борьбе, но в то же время в Эрике ощущалась некая смиренность. Неловкость. Доверчивость. Конечно, можно объяснить это тем, что он – мой давний кумир или же просто его одежда вызывала ассоциации с минувшим. Кожаная куртка? Джинсы с дырками на коленках?

А ведь было что-то еще, какая-то мистика. Сидя там, я внезапно ощутила, что этот человек изменит мою жизнь. И не могла сказать, к лучшему или худшему. Но перемены будут значительными. Я не относилась к тем, кто верит в пред-

знаменования, поэтому занервничала. Руки задрожали. Лежавшая на столе рука Эрика с плоскими, окрашенными никотином ногтями находилась всего в сантиметре от меня. Я уставилась на нее. Возникший в груди жар растекся по всему телу. Стало пульсировать в висках.

Вокруг нас, как ни в чем не бывало, продолжалось собрание. До меня доносились отдельные слова о графике автомобильных поездок и вентиляции, которая никогда не работает. За это время я успела осторожно подвинуть к его руке свою чашку – он ведь не успел налить себе кофе на кухне. Краем глаза заметила, как он протянул руку и ухватился за чашку; как раз в этот момент наши мизинцы соприкоснулись, и меня дернуло током. По-настоящему, статическим электричеством. Раздался треск, и сидевшие за столом обернулись ко мне.

– Ты хочешь что-то добавить, Эбба?

Подняв брови, Лина окинула меня взглядом.

Я отрицательно покачала головой в ответ.

Любовь с первого взгляда, как удар молнии. Я слышала о ней, но сама никогда не испытывала.

Вот так все началось.

С электрического разряда, прошедшего через все мое существо и взорвавшего его. В результате моя прежняя жизнь растаяла как дым.

– Ну как взрослый мужик может в помещении сидеть в кожаной куртке? – задала я вопрос Тому, придя домой и сев за стол, чтобы съесть приготовленный им ужин. – Я хочу сказать, что он так и не снял ее, пока собрание не закончилось.

– Может быть, мода на кожанки возвращается.

Том ставит на стол тушеную чечевицу и тофу. Но есть мне не хочется. Резь в животе не отпускает.

– Ему пришлось уйти к зубному в три. Это в первый-то рабочий день. И еще от него разит табаком.

– Выдай ему жевательную резинку.

– Иногда твое сочувствие граничит с провокацией, – отвечаю я.

– Но не мне же с ним работать.

Пожав плечами, Том протягивает мне сервировочную ложку. Я пристально смотрю на него. Вот он – мужчина, которого я часто привожу в пример в книгах по самопомощи; я неоднократно говорила, что без него не справлюсь.

Мой лучший друг. Спутник моей жизни.

В то время я пользовалась популярностью, и мои фотографии украшали обложки журналов, для которых я сегодня лишь составляю кроссворды. Мой возраст едва перевалил за сорок, а я уже знала ответы на все вопросы. Периодически ездила по стране – выступала с лекциями, расска-

зывала о своих книгах и вживую проводила «Лабораторию любви». Я рано нашла свою нишу в тренингах по развитию отношений; главное в семейной жизни – это терпение и выносливость. Глядя, как тяжело приходится разведенным парам с детьми, становится ясно, что лучше сохранять отношения, пытаясь извлечь из сложившейся ситуации максимальную пользу. Посмотрите на нас с Томом! Наш союз не только не распался, напротив, мы овладели искусством конструктивной ссоры и научились уважать личное пространство друг друга. Паре не может быть все время весело, но, с другой стороны, и скука не опасна. Большую страсть я называла мифом. Говорила, что длительные отношения должны выдерживать натиск импульсивности. И что любовь строят вместе, по кирпичикам.

Но в последние годы, несмотря на успехи, я ощущала пустоту. От того, что все уже пережито, проанализировано, достигнуто. Что мне оставалось? Неужели ничего нового? Возможно, именно это чувство сделало меня восприимчивой к хаосу. В глубине души я устала рассудительно умничать и приводить примеры. Устала от предсказуемости и знаний о том, каким все должно быть в идеале. Я так долго рассматривала других и себя под лупой, что разучилась отстраняться, чтобы увидеть целое.

Развязанные шнурки. Сумка с ключами от съемной квартиры.

Эти два кадра неотступно преследовали меня. Они и сло-

во «timoфеевка».

Той ночью я не могла уснуть.

* * *

В столовой играет классическая музыка, приглушенно звучит какой-то фортепьянный концерт. Для меня одной накрыт небольшой, но изысканный завтрак с выбором блюд. Других постояльцев не видно. Как и персонала. Беру себе йогурт с яблоком и корицей «от директора пансионата» и усаживаюсь с блокнотом за столик у окна.

Я записала несколько вопросов перед сегодняшней встречей с Вероникой: «Можно ли отделить себя от другого человека, прожив шестьдесят лет вместе? Что означает «слиться воедино»? Существуют ли грани прежнего «я», которые стираются без остатка? Может быть, они вернулись сейчас, после кончины супруга? Влюблялись ли они с годами в других? Как они решали этот вопрос? Как мирились после ссор? Как им удалось сохранить любовь спустя полстолетия?».

Я почему-то нервничаю, когда бреду в сторону «Сосновой рощи». В прежние годы я никогда не волновалась. Начиная журналистский путь с должности новостного репортера на местной радиостанции, я разъезжала по разным заданиям, прихватив с собой тяжеленный кассетник «Награ». Многие репортеры зарабатывали себе травмы суставов из-за того, что носили оборудование на одном плече. У старых опытных

репортеров были совершенно кривые спины, но это считалось производственной травмой и вызывало определенную долю уважения. Профессиональная среда тех лет чаще могла похвастаться сильными характерами. Один из моих первых начальников – старый международный корреспондент – обычно начинал свой день со стакана молока с водкой, потому что, по его собственным словам, желудку так приятнее. В наше время люди предпочитают не афишировать ни привычку пить вино из коробок, ни свои мелкие личные неурядицы.

Диктофон на мобильнике вполне годится для интервью, хотя я предпочитаю делать записи от руки. Собеседник при этом, по крайней мере, меньше нервничает.

Пройдя мимо продовольственного универсама и киоска с тайской едой, иду вперед по тихой дороге среди частных коттеджей.

Стоит жара и безветрие. Солнце уже палит вовсю. На лестнице какого-то дома спит рыжий кот. На некоторых старинных окнах еще остались небольшие старомодные зеркала, расширяющие обзор, чтобы наблюдать за тем, что творится на улице. У других рамы затянуты кружевным тюлем, защищающим от посторонних взглядов. Похоже, дома пустуют, здесь не живут. Скорее всего, это просто дачи богачей из больших городов. В окнах выставлена несуразная смесь художественной керамики, серебряных подсвечников и анонимных посланий, выложенных резными деревянными бук-

вами, выкрашенными в белый цвет.

Дом престарелых «Сосновая роща» занимает здание современной постройки с застекленными балконами. В освещенном тусклым светом холле – низкие потолки и блестящий серый линолеум на полу. Где-то вдалеке слышны приглушенные голоса и звон посуды. По левую сторону расположено что-то типа общей гостиной с окнами во двор и двумя красными диванами. На одном из них кто-то лежит – отдыхает. По телевизору показывают трансляцию парламентского заседания. Девушка выставляет на стол чашки. «Камилла», – успеваю я прочитать на ее бейдж.

– Извините, я пришла навестить Веронику Мёрк, – обращаюсь я к девушке. – Вы не знаете, в какой квартире она проживает?

Девушка разглядывает меня.

– Вы – родственница?

– Нет, но мы договорились о встрече. Меня зовут Эбба Линдквист. Я журналистка, собираюсь взять у нее интервью.

– Вот это да! Я не знала. Ее редко навещают, у нее ведь нет детей.

Вытаскивая из заднего кармана массивную связку ключей, она кивает в сторону термоса с помпой.

– Возьмите с собой наверх две чашки кофе. Свежезаваренный, она обычно просит в это время. Только сахар не забудьте. И горсть печенья прихватите. – Она пододвигает ко

мне коробку с хрустящим овсяным печеньем. – Там на улице так же жарко, как здесь?

– Да, – отвечаю я. – Еще жарче.

– Система кондиционирования не справляется, мы не привыкли к такой жаре. У многих тепловые удары. К Середине лета⁸ все уже успеет отцвести, это же безумие какое-то. Я сказала вам, что Вероника живет на третьем этаже? По левую сторону. Имя указано на табличке, лифт вон там. – Камилла указывает на застекленный лифт размером с маленькую однокомнатную квартиру. – Можете передать ей, что сегодня доставка обеда задерживается, они только что звонили. Но в любом случае на обед сегодня треска в яичном соусе.

Кивнув мне, она опять начинает накрывать на стол.

Налив две чашки кофе, ставлю их на поднос вместе с овсяным печеньем и тихо направляюсь к лифту. Звуки моих шагов гасятся линолеумом. Сердце колотится в груди.

Женщина, открывшая мне дверь, выглядит совсем не так, как я себе представляла. Она вовсе не сгорбленная – хотя я полагала, что все становятся такими после определенного возраста. Напротив, при высоком росте у Вероники абсолютно прямая спина. Она выше меня. Как минимум, метр восемьдесят. Седые серебристые волосы, подстриженные под

⁸ Традиционный шведский праздник, отмечается в субботу, ближайшую к дню летнего солнцестояния. На Середину лета плетут венки из полевых цветов и украшают цветами шест, вокруг которого устраивают игры и танцы.

пажа и уложенные на косо́й пробор, мягким контуром обрамляют лицо в форме сердца с высокими скулами. Небольшой заостренный нос выглядывает между серо-голубыми овалами глаз. Губы выделены помадой кораллового цвета. Вероника чем-то похожа на птицу, и в то же время в ее облике сквозит пронзительная острота. Словно под хрупкой оболочкой дремлет железная сила воли. Никогда не перестаю удивляться, как много за считанные секунды могут рассказать едва заметные вариации достаточно однообразного расположения носа, глаз и рта на лице. Например, про стоящую передо мной женщину я могу сказать, что она умна, имеет художественные наклонности и не лишена любопытства. Одной рукой Вероника опирается на трость. Другую протягивает мне для рукопожатия.

– Здравствуйте, я Эбба, – говорю я. – Я прихватила по пути кофе с печеньем.

– Очень хорошо. Я забыла сказать вам, в какой комнате живу. Но вы ведь и так нашли?

– Мне Камилла рассказала, – отвечаю я, делая шаг в глубь сумрачной прихожей.

– Да, это наша сестра-хозяйка, она держит связь с врачом и службой социальной помощи на дому. Приятно, когда все это не нужно делать самой.

– Это понятно, куда мне можно поставить поднос?

– Поставьте его на столик у окна. Там и присядем. Мне стало трудно подниматься с дивана. Лучше уж вообще на

него не садиться.

Изящным жестом Вероника приглашает меня пройти в большую комнату. Регулируемая по высоте и углу наклона кровать со съемными спинками и упором на специальной подставке вместе с оснащенными колесами ходунками занимают всю стену. Прикроватная тумбочка тоже, судя по виду, – собственность дома престарелых, в то время как правая сторона комнаты обставлена личными предметами интерьерера. Центр комнаты занимает диван с плюшевой обивкой строгого серого цвета и круглый журнальный столик. На подоконнике стоят лепные кашпо с комнатными растениями. Вплотную к окну придвинут полукруглый сосновый стол и два деревянных стула. Вдоль второй длинной стены возвышается стеллаж, заполненный книгами и глиняными скульптурами. В углу притулилось бюро из мореного дуба. В комнате невероятно жарко. Кажется, в воздухе не хватает кислорода, как будто здесь слишком долго не проветривали.

– Вы сразу с поезда?

– Нет, я приехала вчера вечером.

– А где переночевали?

– В пансионате «Сосновый приют».

– «Сосновый приют», да-да, он все еще работает. Присядьте!

Усаживаюсь на стул и незаметно достаю блокнот. На сиденье лежит подушечка из черной овечьей шерсти.

Вероника аккуратно присаживается на другой стул и по-

правляет кофту. Под кофту надето белое белье. Серебряная цепочка плотно облегает веснушчатую шею.

– Я немного нервничала перед вашим визитом. Не знаю, будет ли польза от моих рассказов и есть ли о чем говорить. Но вам придется принять это.

– Конечно, – подтверждаю я, успокаивающе кивая. – Какая уютная квартира. Вы давно здесь живете?

– Давно ли я здесь живу? Скоро будет два года вроде. Мой муж Уно умер незадолго до того, как я сюда переехала. Я не хотела жить в доме в одиночестве, особенно после инсульта. Правая половина тела не очень хорошо мне подчиняется, именно поэтому я хожу с тростью. Мне повезло, что удалось вовремя продать дом, когда подвернулся этот вариант. Сюда многие хотят попасть. И получить здесь место не так просто.

Вероника протягивает руку за кофе. Я наблюдаю, как она методично кладет в чашку три кусочка сахара и размешивает.

– Вам здесь нравится? – спрашиваю я.

– Да, конечно! Здесь все очень хорошо устроено. Всегда есть с кем поговорить, если захочешь, хотя в это время года я предпочитаю ужинать на балконе. Отсюда открывается прекрасный вид на двор. Только сейчас очень много пыльцы. – Она слегка дует на кофе. По нему идет рябь, как по морской воде на ветру.

– Красивый город, насколько я успела заметить, – говорю я, не без оттенка лести.

– Да, природа здесь по-прежнему великолепна. А так, Бостад прославился сносом всех красивых старинных зданий, в том числе в Мálене – в районе, где располагался пансионат моей мамы. В Мёлле сохранили намного больше. И к нам сюда толпами приезжают теннисисты с болельщиками⁹. Но они ведь еще не успели заполнить город?

– Я ни одного не видела, – признаюсь я.

– Сезон еще не начался. А как начнется, цены на все взлетят.

Вероника нервно теребит цепочку на шее.

Взяв овсяное печенье, раскусываю хрустящее кружево. Знакомый сладкий вкус, как в детстве.

– Я говорила, что у нас есть собственная гончарная мастерская в цокольном этаже? Обычно ею пользуемся только я и еще две-три дамы. У нас своя печь для обжига и гончарный круг. В прошлом году к нам приезжала женщина, работающая в технике «раку». Привозила с собой уличную печь для обжига и все необходимое.

– Вы всегда занимались гончарным делом? – спрашиваю я.

– Никогда. Может быть, и хотела, но раньше не получалось. Так ведь часто выходит, правда? Прежде чем начать, нужно стать хромой калекой, – говорит Вероника, качая го-

⁹ В Бостаде расположен самый большой в северных странах открытый теннисный стадион Båstad Tennis Stadium, где, в частности, ежегодно проходит теннисный турнир Swedish Open.

ловой.

– Лучше поздно, чем никогда, – замечаю я и тут же раскаиваюсь. Такое ощущение, будто весь последний год я поддерживала себя подобными бессмысленными клише, чтобы не падать духом. Или точнее: всю свою профессиональную жизнь. Делаю глоток кофе. Он совсем не крепкий. Больше похож на подкрашенную воду.

– Гончарное дело полезно для развития моторики. Все тело укрепляется. Когда работаешь на гончарном круге, брюшной пресс приходится как следует напрягать, можете мне поверить.

Стряхнув крошку печенья, Вероника задерживает руку на столе. В какой-то момент я не могу отличить рисунок на столешнице натурального дерева от рисунка вен на тыльной стороне ее ладони. Твердые, отполированные временем поверхности, стойкие к износу.

– Так о чем будет ваша статья? – Она смотрит на меня, наморщив лоб.

– О длительных отношениях. О том, как провести всю жизнь вместе и не испортить их. Или, вернее, не просто не испортить, а ценить, сохранять гармонию и получать удовольствие от общения. Что-то в этом духе, – объяснила я.

– Ах вот оно что. – Вероника умолкает.

На стене тикают часы с маятником – тихие звуки, которые одновременно выражают терпение и упорство. Мне самой никогда не нравились тикающие часы. Ненужное напо-

минание о бренности вещей. Я пощелкиваю шариковой ручкой.

– Каким был ваш муж? – спрашиваю я.

– Уно? Он был хорошим человеком.

Жду продолжения, но напрасно. Из приоткрытого окна доносится шорох гравия под ногами прохожих. Где-то лает собака.

– Как вы познакомились? – интересуюсь я, потягивая кофе больше для вида.

– На танцплощадке Ньюлидс. Она не сохранилась, но во времена нашей молодости была очень популярна. Объявили белый танец – так говорили, когда наступала очередь девочек приглашать мальчиков. Все мои подружки присмотрели себе кавалеров, а я не знала, куда податься. В конце концов спросила того, кто стоял ко мне ближе всех. Им оказался Уно. И он согласился. Хорошо помню, что у него были черно-желтые ботинки. На них я и смотрела почти весь танец.

Вероника проводит рукой по волосам.

– Понимаете, я вовсе не хотела ходить на танцы. Страдала комплексами из-за высокого роста. В основном держала сумочки других девушек. Служила полезным передвижным гардеробом.

По ее лицу скользит чуть заметная улыбка. Вижу, что правая часть рта не совсем успевает за левой; кажется, будто она принадлежит чужому, более серьезному лицу.

– Шестьдесят лет – большой срок для брака, – говорю я.

– Они быстро пролетели, – парирует Вероника, взглянув на меня. Ее глаза под морщинистыми веками прозрачны, как подернутая перламутром вода затерянных в лесах озер. – Вероятно, тогда было проще кого-нибудь найти, чем сейчас. Не так много альтернатив. Требования пониже – идеальных не искали. И, признаться, я все равно не рассчитывала, что стану счастливой. Так что это был приятный сюрприз.

– А почему вы не рассчитывали на счастье? – Заинтригованная, я подаюсь вперед, облокотившись на стол.

– Просто у меня складывалось такое ощущение, – моя собеседница слегка пожимает плечом, – что мне не предназначено быть счастливой. Не скажу с ходу, одна ли я такая. Может быть, в юности это свойственно всем. Но вам, полагаю, нужны другого типа ответы.

– Ваши ответы кажутся мне интересными, – возражаю я.

– Не уверена. – Вероника мотает головой, пытаюсь разубедить меня. – Кстати, не припомню: откуда вы обо мне узнали?

– Ваше письмо в редакцию журнала, – уточняю я. – Медиуму – помните?

– Точно. Так и было. Дом престарелых выписывает столько журналов, что за всеми не уследишь. Я не знаю, что на меня нашло, когда я написала его, все это было импровизацией. Да и времени с тех пор прошло порядочно, не меньше года.

Вероника опустила глаза. По ее щеке растекаются красные

пятна.

– Мало ли что еще взбредет в голову поздно вечером, – добавляет она. – Я отношусь к тем, кто оживает по ночам, так было всегда, но позволять себе такой режим я стала только сейчас. Обычно я брожу тут, слушаю радио и засиживаюсь за полночь со своими занятиями. Размышляю. Решаю кроссворды.

На последнем признании я вздрагиваю и хочу спросить, не знакома ли она с «Ностальгическим кроссвордом», но вовремя удерживаю себя.

– Как приятно, что утром не надо рано вставать, наверное, это главное преимущество выхода на пенсию. Уно был жаворонком, и, живя вместе, мы всегда придерживались его суточного ритма. В этом мне приходилось уступать. В совместной жизни многое решается таким образом.

– Уступая позиции?

– Да, достигая компромисса. Отказываясь ненадолго от своей воли. В молодости это делать проще, сейчас я уже так не поступаю. – Вероника кутается в кофту, несмотря на жару в комнате.

– Но как, собственно, счастливо провести с человеком шестьдесят лет? – удивляюсь я. – Я думаю, все наши читатели задаются этим вопросом.

Вероника тянется за печеньем и задумчиво пережевывает его.

– Не нужно лишних слов, свои проблемы лучше решать

самостоятельно.

– Не разговаривать?

– Не слишком много. В этом нет смысла. Только зря себя изматывать.

Я растерянно смотрю на собеседницу.

– А чем тогда, по-вашему, заниматься?

– Выполнять понятные практические задачи, чтобы было чем занять руки. Трудиться над совместными проектами. Мы с Уно вместе работали. Сначала в пансионате моей матери, потом – в новом мотеле, открытом компанией «Эссо» под Хельсингборгом. Уно поступил туда сперва ночным сторожем, а я рассчитывала зарплату. У нас всегда хватало хлопот. Еще свой сад – это было замечательно.

– В каком году вы поженились?

– Посмотрите на обратной стороне свадебной фотографии. Вон там стоит, – говорит Вероника, указывая на стеллаж с книгами. – После инсульта мне немного трудно вспоминать года, но, по-моему, это был 1955 год. Мы жили там с тех пор.

– Где именно?

– На Апельгатан. Но каток для белья был очень тугим, да.

Я не обращаю внимания на странный комментарий. Вероника хрустит печеньем и смотрит в окно. На окнах видны разводы от пылицы. Стекла в рамах такие толстые, что защитят и от жары, и от холода. И закрываются не какой-нибудь щеколдой, а полноценной оконной ручкой. Из кустов под ок-

нами доносится монотонная птичья трель.

– Сколько лет вы продолжали руководить маминым пансионатом? – спрашиваю я, чтобы вернуть разговор в нужное русло.

– Мы сдались в начале семидесятых. С появлением автотуризма и чартерных авиарейсов стало сложно. Пансионат проигрывал в ценовой конкуренции, и в то же время народ отдавал предпочтение безличному дорогому сервису, считая его более изысканным.

Вероника отрывает кусочек от рулона бумажного полотенца, стоящего на столе, и высмаркивается.

– В пансионате все – как одна большая семья. Постоянные клиенты знакомы друг с другом, беседуют за столом. На самом деле это очень актуальная идея, особенно сейчас, когда вокруг столько одиноких. После ужина все собираются в общей гостиной, чтобы поиграть в карты и послушать пластинки или радио. И дети в той же компании. У нас был маленький бар, где гости сами могут наливать себе все, что хотят, положив потом деньги в жестяную банку на прилавке.

– Звучит очень мило, – замечаю я.

– Да, различия с отелем, куда мы потом пришли на работу, были невероятные. Они так гордились тем, что им удалось построить семьдесят абсолютно одинаковых номеров. Эти номера напоминали казармы для рекрутов. Но со всеми удобствами, конечно. Каждый номер оборудован телевизором и мини-баром, так что посещать общие пространства

уже не было необходимости. А в столовой все было проржавевшее. Подавать на серебряной посуде считалось излишним.

Вероника легонько постукивает костяшками пальцев по столу.

– Потом отель перекупила другая крупная гостиничная сеть – вот пытаюсь сейчас вспомнить название, но уже не могу. Часть информации просто исчезает. Память поступает теперь, как ей вздумается, правда, потом забытое постепенно всплывает в сознании.

Она раздраженно качает головой.

– Ничего страшного, со мной тоже такое случается, – пытаюсь я загладить расстройство собеседницы. – Я тоже все время что-нибудь забываю. Но как вам жилось и работалось вместе с мужем?

– Хорошо. Без всяких проблем. – Подняв кружку обеими руками, Вероника осторожно делает глоток.

– Вы никогда не ссорились?

– Не припомню такого. Ну, может быть, разок.

– А что вы делали, когда расходились во мнениях?

– Тогда решение принимал один из нас, – отвечает Вероника. Она аккуратно убирает прядь волос со лба и пристально смотрит на меня.

Внезапно я теряюсь, не имея ни малейшего представления, в каком ключе беседовать дальше. Вместо того чтобы продолжать разговор, я осматриваюсь вокруг. На обоях едва

заметен цветочный узор. На прикроватной тумбочке стоит крупная ракушка с розовой полостью. Кажется, из ее глубины до меня даже доносится шум моря. Хотя, вероятно, это шумит у меня в ушах. Бывает, что этот шум меняет свой характер и звучание в зависимости от того, где я нахожусь. Иногда он подобен высокочастотному писку, а временами – похож на свист. Но шум морских волн в любом случае приятнее однотонного воя, с которым я боролась с помощью терапии Йуара.

Из коридора слышны звуки закрывшейся двери и удаляющихся шагов. Делаю новый заход.

– Что вам больше всего нравилось в Уно? Можете ли вы выделить какую-то одну характерную черту?

Вероника закрывает глаза и, судя по виду, напряженно думает.

– Он умел молчать, создавая ощущение комфорта, – отвечает она наконец.

Я смотрю на нее с неммым вопросом.

– Его сильной чертой была немногословность?

– Уметь молчать так, чтобы другие оставались при этом в хорошем настроении, – искусство. Когда долго живешь вместе, много времени проходит в молчании. Важно, чтобы людям было хорошо вместе и в такие моменты.

– Никогда не думала об этом, – признаюсь я. – Что-нибудь еще помимо способности хорошо молчать?

– Нам часто бывало весело вместе, мы смеялись над вся-

кими пустяками.

– Какими, например?

– С ходу не могу вспомнить. Мне нужно подумать.

Вероника отпивает кофе. В отсутствие других идей я слеую ее примеру. В моей голове внезапно воцаряется пустота, мозги словно отшибло, и в то же время что-то в обстановке комнаты меня успокаивало. Все звуки здесь кажутся приглушенными, будто они сразу проглатываются обитой звукоизоляцией стенкой. На балконную ограду присела птичка и, кажется, что-то высматривает.

– К вам посетитель, – говорю я, кивнув за окошко.

– Да, эта птичка заглядывает ко мне иногда. Я ее подкармливаю. Она ест прямо с руки. – Вероника берет овсяное печенье – Но сегодня она свое уже съела. Ей нельзя толстеть. А то летать не сможет.

– Конечно, не сможет, – соглашаюсь я.

– А у вас есть домашние животные?

– У нас с моим бывшим жил кот, но он умер.

– Да, все домашние животные рано или поздно умирают, – подтвердила, кивнув, Вероника.

Беру еще печенье. Мне трудно снова перейти к содержательному разговору. Без всяких сомнений, интервью получилось провальным. «Хорошо умеет молчать», – записываю я в свой блокнот, просто чтобы было чем заняться.

Я могла бы добавить пару строк о себе самой, и они бы неплохо вписались в историю болезни, которую ведет Йуар:

«Интересуется окружающим миром = хорошо. Пытается работать = признак выздоровления». А среди негативных симптомов разместится дерзкая попытка найти автора письма в редакцию. Черта, явно присущая мании величия. Очевидно, тревожный знак. Непродуманное, импульсивное действие.

– У вас с мужем не было детей? – осторожно спрашиваю я. Это всегда чувствительный вопрос.

– Нет, не сложилось. Некоторое время мы пытались, но так и не вышло. Старались сосредоточить внимание на другом. Нельзя получить от жизни все. Вокруг меня всегда были дети других – друзей и постояльцев. – Вероника плотно сжимает губы.

– Что, с вашей точки зрения, главное для сохранения любви? – спрашиваю я. – Можете ли вы дать совет?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, ходили ли вы вместе в рестораны, или как-то по-другому проводили свободное время? – Пытаюсь изобразить доверительную улыбку. Раньше у меня это хорошо получалось.

– В рестораны? Нет, у нас же всегда была дома еда. Иногда мы гуляли вечерами. Вокруг квартала. Или до железнодорожной станции, чтобы отправить письма. Корреспонденцию из почтового ящика поздно забирали.

«Вечерние прогулки», – записываю я. Разговор начинает напоминать пародию. Пот течет с меня ручьем, уже просту-

пили пятна на платье. Вероника проводит рукой по лбу.

– Вы не нальете мне стакан воды из-под крана? Ужасно жарко.

– Конечно.

Поднявшись, плетусь в ванную комнату, вход в нее открывается из прихожей. Пол покрыт розовым пластиковым ковриком, а стены – влагостойкими обоями в тон. Я всегда немного опасалась ванн пожилых людей. Там обычно стоит странный запах, и я боюсь заметить выпавшие зубы или еще какое-нибудь напоминание о бренности жизни. Но в этой ванной пахнет хорошо, чем-то мятным. Наливая воду, рассматриваю крошечный ароматический пакетик с лавандой, висящий на вешалке для полотенец вместе с деревянной расческой на шнурке. Внезапно вспоминаю ванную комнату своей бабушки – завернутые в фольгу ароматические таблетки для ванны с запахом апельсина и большие склянки с дезинфицирующим средством. Все это, кажется, уже принадлежит другой эпохе, а это означает, что я и сама начинаю стареть. Склонившись над раковиной, споласкиваю лицо холодной водой, чтобы взбодриться. Когда я возвращаюсь в комнату, Вероника сидит неподвижно с закрытыми глазами, положив руки на колени. Откашлявшись, протягиваю ей стакан воды, но она не трогается с места. Меня охватывает кратковременная паника. А что, если она умерла посередине интервью? Случился еще один удар. Только этого не хватало.

– Вероника? – Я легонько трогаю ее за плечо, и она вздрагивает.

– Что случилось? – Она смотрит на меня, ничего не понимая спросонья.

– Просто вы слегка задремали. Мы беседовали, я брала у вас интервью.

– Да, я помню. – Она недовольно тянется к стакану, отпивает пару глотков и отставляет стакан в сторону. – Он все еще снится мне по ночам, я не знаю почему. Может быть, из-за жары. В то лето тоже было очень жарко. И еще нам надо-едали пчелы, они были везде. В этом году я не видела ни одной пчелы. Вообще никаких насекомых. Цветы не успевают носа из канавы показать, как коммунальщики их скашивают. Им невдомек, что цветы должны дать семена, а иначе они не будут размножаться. А если насекомым негде питаться, как им выжить? Вы лучше бы об этом написали!

Вероника смотрит на меня с возмущением.

– Согласна, это важная тема, – замечаю я.

– Просто народ не о том думает, вот в чем проблема.

Она сердито мотает головой.

– Что вам снится? – интересуюсь я. – Вы сказали, вам снится он.

– Странные вещи застревают в человеческой памяти. Я могла подолгу смотреть на его руки и думать: «Господи, как они красивы». А когда мы лежали на берегу, ему могло взбрести в голову засыпать мои ноги песком. Очень важно,

какие у мужчины руки. Они о многом могут рассказать.

Я начинаю благодарно записывать. Побольше подобных цитат, и к вечеру статья будет готова.

– Некоторые полагают, будто влюбляешься, когда замечаешь в человеке то, чего нет в тебе, а другие говорят, что способны полюбить только себе подобных. Я думаю, верно третье. Родство душ. Этого не постичь умом, здесь затронуты душа и тело. И сама себе как будто уже не принадлежишь. Все происходит на уровне химии. Или музыки. Уж что-что, а вкус к музыке у него был. Он возил с собой патефон и пластинки.

– Когда вы вместе путешествовали?

– Когда он путешествовал, да. Я говорила, что он однажды нарисовал меня?

– Нет.

– Хотите посмотреть?

– С удовольствием.

С трудом поднявшись, Вероника подходит к темному бюро. Из верхнего ящика она достает папку из картона под мрамор, снимает с уголка пожелтевшую резинку и медленно раскрывает.

– Я не хочу выставлять ее, потому что краски блекнут от солнечных лучей. Это акварель, понимаете? Я считаю, ее лучше хранить в ящике.

Вероника осторожно протягивает мне рисунок. На нем изображена девушка, сидящая на подоконнике. Лицо повер-

нуто в полупрофиль, и ладонь затеняет глаза, будто она пытается рассмотреть что-то за окном. На ней синее платье с вырезом каре и широкой юбкой в складку. Свет в рисунке дышит летней жарой.

– Как красиво, – восхищаюсь я. – Он много времени посвящал рисованию?

– Ну конечно. Он же был художником. – Вероника смотрит на меня с удивлением.

– Я думала, он работал в отеле?

– Кто?

– Ваш супруг, Уно.

– Зачем вы вмешиваете сюда Уно? – Вероника озадаченно морщит лоб.

– Я думала, вы о нем говорите, – отвечаю я. – А о ком вы тогда говорите?

– О Бу, естественно. – Вероника забирает у меня рисунок, кладет его обратно в папку и резким движением закрывает бюро. Два красных пятна вспыхивают на ее щеках.

– Просто я думала... – беспомощно лепечу я. – А кто это – Бу?

– Бу Бикс. Он был студентом Художественной школы «Валланд» в Гётеборге и жил у нас летом в пансионате. Стипендию выиграл. – С этими словами Вероника возвращается к столу.

– Это о нем вы писали в журнал? – уточняю я. – Предмет вашей девичьей любви?

Она кивает в ответ.

– Вы упомянули, что расстались с ним при драматичных обстоятельствах, – говорю я. – Могу ли я спросить вас, что это были за обстоятельства?

Я знаю, что это совершенно не касается статьи, но просто не могу удержаться, чтобы не спросить.

Несколько секунд Вероника молча смотрит на меня.

– Мы бежали вместе.

– Бежали? Но куда?

Она наклоняется вперед, чтобы спросить:

– Значит, в каком издании вы работаете, напомните мне, пожалуйста?

– В журнале «Женщина». Я – журналист.

– Я в курсе, меня интересовало только издание, для которого вы пишете. И статья будет обо мне?

– О вас и Уно. О том, как сохранить любовь на протяжении шести десятилетий.

– То есть Бу тут ни при чем?

– Нет, – признаю я.

– Так, может, будем придерживаться обозначенной темы? – Вероника отклоняется назад и начинает постукивать пальцами по столу. – Вам придется извинить меня, но я очень плохо спала этой ночью. Признаюсь, мне нужно прилечь отдохнуть. Я плохо переношу жару. Вы не могли бы прийти завтра утром?

– Да, конечно, – разочарованно откликаюсь я. – Во сколь-

ко вам будет удобно?

– Приходите к одиннадцати, к этому времени я уже успею спокойно позавтракать. Я же жаворонок.

– Меня тоже в одиннадцать устроит, – отвечаю я.

– Выход сами найдете?

Киваю в ответ, убирая в сумку блокнот.

1955

Франси была необычной девушкой – ее отличало высокое мнение о себе. Но это еще не все. Веронике никогда не встречались девушки, столь же твердо уверенные в своих навыках и способностях. Конечно, Франси пятью годами старше – ей уже двадцать два, – но казалось, их разделяет целая жизнь. В двадцать два года человек уже совсем не тот, что в семнадцать.

Обычно девушки сближаются на почве обсуждения своих неудач и самокритики. Всегда можно было заслужить симпатию, жалуясь на свой дряблый живот, толстые бедра, прыщавую кожу, слишком маленькую или, напротив, слишком большую грудь, кривые зубы, широкую или тонкую кость, странно выросший ноготь.

Дальше – больше. Переругиваться можно было до бесконечности: «Да ты вовсе не толстая! Да нет же, конечно, толстая! У тебя волосы намного красивее моих. Вот бы мне такой рот, как у тебя. А мне бы – твою фигуру». Веронике все это наскучило. Если не обсуждали внешность, то говорили о мальчиках. Кто в кого влюблен? Кто что сказал? И что он на самом деле имел в виду? Мальчиков нужно было понимать и заботиться о них. А еще – держать их на расстоянии. В мучительном ожидании. И лишних надежд вселять нельзя. Решить такое уравнение было невозможно.

Девушки редко находили общий язык за пределами этих двух тем. Может быть, потому Веронику и восхищала Франси, которая, забыв о себе, могла с энтузиазмом рассуждать о таких вещах, как театр, музыка или фильмы. Ирония заключалась в том, что, когда Франси обо всем этом говорила, она выглядела намного привлекательнее, чем когда специально прихорашивалась. Она разгоряченно жестикулировала. Глаза горели. Мелкие капельки пота проступали на верхней губе. Франси будто открывала дверь в комнату без потолка, где воздух можно и нужно было вдыхать полной грудью.

– Что такое свобода? – спросила кузина, когда они лежали в своей любимой пещерке на берегу, наблюдая, как отдыхающие собирают вещи, чтобы покинуть пляж до следующего утра. – Свободен тот, кто оставил упорные поиски счастья!

Франси с триумфом смотрела на Веронику. На коленях у нее лежала книга по индийской йоге, привезенная из Копенгагена. Она одолжила ее почитать у парня, который, по ее собственному утверждению, был мыслителем. У мыслителей есть чему поучиться, но их не нужно все время принимать всерьез. Иногда Франси зачитывала избранные изречения, делая вид, что додумалась до них сама.

– Каждый привык считать себя свободным, хотя в действительности живет так, как от него ожидают другие.

Она раздраженно отмахнулась от мухи и вздохнула:

– Я вот, например, хочу уехать за границу, изучать иностранный язык и слушать новую музыку. А то, представь се-

бе, стоишь ты у плиты, дышишь чадом и мешаешь похлебку, и такое однообразие – год за годом, пока не подрастут дети и ты вновь не останешься в одиночестве. Да нет, забудь об этом!

В подтверждение своих слов Франси пару раз громко фыркнула и продолжила:

– Никогда не знаешь, где могут скрываться родственные души. Они могут быть где угодно. Надо только внимательно смотреть. Вот, может быть, он!

Франси кивнула в сторону песчаных дюн, по которым шел Бу с полотенцем через плечо.

– Привет-привет! Что – купаться собрался?

Он направился к ним и, слегка кивнув, присел недалеко от Вероники. Не рядом с Франси, несмотря на то что она призывно раскачивала коленками, сидя в позе лотоса. Вероника рассмотрела курчавые волосинки на его руках и ногах, напоминавшие светло-золотистую шерсть. Часть челки свисала на глаза. При дневном свете Бу казался выше и моложе, чем накануне вечером. И все равно в нем сквозила какая-то неуловимая уверенность в себе.

– Ты нашел велосипед утром? – спросила Франси, кинув книгу на песок так, чтобы было видно обложку.

– Да, без проблем. Труднее было найти дорогу в мастерскую. Через пастбище пришлось идти пешком. Еще крапивой обжегся по пути. – Он провел рукой по голени, где по бледной коже растеклась небольшая краснота.

– Чудака-художника видел?

– Да-да. Он угостил меня кофе и олениной. Этот художник спит на диване на кухне, хотя в его распоряжении весь дом. Там давно не убирали, и обувь он в помещении не снимает. Говорит: «Какая разница? Все равно скоро зима». В этом что-то есть.

Бу улегся на песок, опершись на локти.

– Похоже, быть художником – очень увлекательно, – заметила Франси, заинтересованно подвинувшись ближе.

Веронике не собраться с силами, чтобы задать вопрос, по крайней мере, в присутствии Франси. Кухина очень легко знакомилась с людьми. Даже если ей нужно было всего-навсего доехать на велосипеде до киоска или зайти в магазин за молоком, она заговаривала по пути с прохожими. Веронику, напротив, считали замкнутой. Ей требовалось много времени, чтобы дойти в разговоре до сути; выражалась она неловко и слов использовала больше, чем нужно.

– Тебе требуется много вдохновения? – спросила Франси, наклонившись вперед и поправляя купальник-бикини.

– Очень, – хмуро кивнул Бу в ответ.

– А что ты должен создать, на самом-то деле?

– Скульптуру. Я должен вылепить в глине, а потом ее отольют в бронзе в литейной мастерской в Хельсингборге. Но все за раз не сделать, нужно подготавливать по частям. Это долго. Завтра Хуго обещал помочь мне. Показать, как работает печь для обжига и все остальное.

– Это хорошо. И сколько тебе выделили времени?

– Три недели.

– Прекрасно. Это же много. Значит, ты еще успеешь меня нарисовать! – С этими словами Франси заложила руки за голову и выпятила губки бантиком. – Если ты прославишься, я смогу потом продать картину задорого. И рассказывать всем, что я с тобой знакома. Неплохая идея, правда? Так я разбогатею, не работая. Хлопнув Бу по плечу, она стала уговаривать его:

– Ну пожалуйста. Ты ведь сможешь? Наверное.

– Давай в субботу? У тебя будет время?

Бу покосился на Веронику.

– Да, у меня нет никаких планов.

– Если получится красиво, обещаю раскошелиться на дорогую раму. Здесь в городе есть багетная мастерская. Но я ведь не должна буду раздеваться? – взглянула Франси на Бу, притворно изобразив возмущение.

– В школе я очень часто рисовал с обнаженной натуры, так что об этом не беспокойся. Я почти все видел. И дам, и мужчин, и молоденьких девочек. – Он медленно выдернул из песка тростник и, хитро прищуриваясь, стал посасывать конец стебля.

Вероника сама часто посасывала стебли. Самый кончик берегового тростника был сладким, как мед. Наиболее светлый кусочек она обычно откусывала и проглатывала.

– А потом мы можем поесть мороженого. В киоске прода-

ют мороженое собственного производства. Очень вкусное. – Франси кивнула в подтверждение своих слов.

– Ты тоже придешь? – спросил Бу, взглянув на Веронику.

– Куда?

– В мастерскую, в субботу?

– Ну да, могу.

– Прекрасно. Значит, решено! – Франси хлопнула в ладоши.

– Хорошо. Я хотел искупнуться. – Бу принялся расстегивать пуговицы рубашки.

– Мы только что из воды, лучше здесь тебя подождем. Пока! – Франси помахала ему рукой, поправив бюстгальтер купальника-бикини. А Вероника отвела взгляд. Не в состоянии конкурировать с обладавшей многочисленными преимуществами Франси, она, напротив, держалась холодно. Вероника почувствовала, что такая тактика давала лучшие результаты. Краем глаза она видела, как Бу, прежде чем войти в воду вброд, пнул попавшийся под ноги надувной мяч.

– Ты заметила, как он похож на Артура Миллера? – радостно прошептала Франси.

– А кто такой Артур Миллер?

– Новый парень Мэрилин Монро. Ну, драматург. Ему только очков не хватает. Тогда бы еще больше был похож.

Франси наклонила голову и прищурилась.

– Наверное, это можно устроить. И еще твидовый костюм. Интересно, умеет ли он танцевать? Если нет, придется его

научить.

Она разлеглась, расправив пальцы поверх купальной шапочки, чтобы солнечные лучи проникали повсюду. По мнению Франси, загар должен быть равномерным, а поскольку носиться вокруг, занимаясь спортом, она терпеть не могла, самым надежным было лежать неподвижно, уподобившись селедке с растопыренными плавниками. У самой Вероники присутствовал рыжий пигмент, поэтому она скорее покрывалась веснушками, чем загаром. Ей приходилось либо малодушно скрывать кожу под одеждой, либо самой скрываться в тени.

Бу уже успел зайти в воду по пояс. Яркие солнечные лучи отражались в волнах, издалека было трудно даже различить, где небо, а где – море. Наконец ей удалось снова заметить его как раз в тот момент, когда он нырнул, рассекая водную гладь. От вида его мокрого торса, вынырнувшего из воды, у Вероники засосало под ложечкой. Но потом Бу вновь нырнул и скрылся из вида.

* * *

Сэльве прикрепил к багажникам всех велосипедов небольшие деревянные таблички и написал на них витиеватыми черными буквами: «пансионат Мирамар». Когда Вероника была помладше, она часто украдкой обматывала вокруг руля скакалку, притворяясь, что велосипед – это лошадь, хо-

тя, конечно, к тому времени из подобных игр ей полагалось бы уже вырасти. Лошадку звали Бланка. Или Фрида. Или Демон – имена менялись день ото дня, по настроению. Чаще всего Вероника представляла себе неуправляемого и дикого чистокровного скакуна, которого лишь она одна в состоянии приручить. Иногда, демонстрируя свой нрав, он опрокидывал наездницу в канаву, но она отряхивала грязь с коленок и возвращалась в седло. Чтобы обучить манерам диких лошадей, нужно время. С этим следовало считаться.

В этот раз она взяла старого Монарха и поехала на вечернюю прогулку в сторону Люкан. Дорогу с обеих сторон обрамляли канавы, заросшие иван-чаем, дягилем и кустами ежевики. На огороженных пастбищах гуляли настоящие лошади, подремывая в тени дубовой поросли и отмахиваясь хвостами от мух. У лошадей были густые, нестриженные гривы. Веронике особенно нравились белые кони, напоминавшие сказочных скакунов. Где-то на выгоне паслись коровы, моргавшие тяжелыми коричневыми веками. Что скрывалось дальше, за лугами, она не знала. Казалось, они тянулись бесконечно.

Сигне как-то рассказывала об одном местном жителе, устроившем на свой день рождения оригинальную вечеринку. Он пригласил гостей к рассвету и накрыл длинный стол на лугу. А сам не явился. Вместо именинника спустя некоторое время появились облаченные в длинные белые платья

эльвы¹⁰, едва различимые в предрассветной дымке и танцевавшие среди деревьев под звуки одинокой скрипки. Гости были зачарованы. Одна из дам от такого зрелища упала в обморок. Потом оказалось, что для танца наняли длинноволосяных девушек из соседних деревень – они распространяли вокруг себя запахи земли и цветения. Вероника терялась в догадках, что за человек устроил такой праздник. Вряд ли крестьянин, скорее, кто-то из дворян, у которых тоже были свои земельные владения в этой местности. А может быть, художник при деньгах. Хотя откуда такому взяться?

Гравий поскрипывал под шинами велосипеда. Было приятно ощущать, как во всем теле отзывается тряска от неровной дороги. Для быстрой езды на велосипеде нужно обладать смелостью и без страха полагаться на чувство равновесия. Только начни сомневаться – и, как пить дать, упадешь. Фокус заключался в том, чтобы не слишком много думать. И смотреть на следующую перед тобой вершину.

¹⁰ В шведском фольклоре: мерцающие белым светом сказочные женские существа с крошечными крылышками, могут принимать множество обликов, представляя белым туманом над влажным лугом, маленькими лягушками или жужжащими насекомыми; живут большими группами на лугах или торфяных болотах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.